

Александрина
Чёрный бриллиант

Александрина
Чёрный бриллиант

«Издательские решения»

Александрина

Чёрный бриллиант / Александрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511098-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман содержит факты из жизни 4-х поколений одного рода, к которому принадлежит героиня. У неё мистическая связь с прабабушкой, которая, в своё время, пожертвовала чёрным бриллиантом, наделённым магической силой, ради спасения возлюбленного, проигравшего своё состояние в карты, что способствовало проклятию всего её рода. Чтобы снять его, героине предстоит найти утерянную семейную реликвию. В этом ей помогает прабабушка через сны и видения. Мистика переплетается с реальной жизнью героини.

ISBN 978-5-00-511098-5

© Александрина
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	58
Глава 13	60
Глава 14	64
Глава 15	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Чёрный бриллиант

Александрина

© Александрина, 2020

ISBN 978-5-0051-1098-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман включает факты из жизни 4-х поколений одного рода, к которому принадлежит героиня, хирург по профессии.

У неё мистическая связь с прабабушкой, которой когда-то принадлежал уникальный гарнитур, в одну из серёг которого был вставлен чёрный бриллиант, наделённый магической силой.

Когда-то она была вынуждена заложить серьгу с бриллиантом, чтобы спасти своего возлюбленного, гусара элитного полка, бывшего заядлым картёжником и проигравшего своё состояние в карты, тем самым поспособствовав проклятию всего своего рода.

Чтобы снять это проклятие и дать выход своим чувствам, которые героиня вынуждена блокировать невероятным усилием воли, ей предстоит найти чёрный бриллиант, спустя столетие с момента утраты серёжки. В этом ей помогает прабабушка, давая подсказки через сны и видения.

Мистика, которая на самом деле имела место в жизни автора и способствовала написанию этой книги, переплетается с реальной жизнью героини, в которой есть место и для юмора и для глубоких переживаний и чувств, кое-где выраженных стихами.

Глава 1

Детство и юность

Я росла хилым, бледным ребёнком, задыхалась при малейшей физической нагрузке. Поэтому старалась не принимать участие в подвижных играх своих сверстников. Единственное, что я могла себе позволить, так это только игру в «дочки-матери», больницу и некоторые настольные игры. Не удивительно, что в детстве у меня было прозвище «комариные ножки».

По каким только врачам ни водила меня мама, но никто не мог поставить правильный диагноз. Наконец, папа, кадровый офицер Советской Армии, решил показать меня своему сослуживцу, военному врачу Фёдору Фёдоровичу Кузьмину.

Это был довольно молодой человек, худощавый, с военной выправкой. За толстыми стёклами очков в роговой оправе серые глаза казались неестественно большими и выразительными.

Заметив, что я смотрю на него с некоторой опаской, он широко улыбнулся и произнёс: «Ну-с, барышня, рассказывайте с чем пожаловали ко мне?» Эта фраза, произнесённая мягким голосом, окончательно растопила лёд недоверия, сковавший мой детский ум после многочисленных бессмысленных посещений врачей. Притом впервые в моей жизни ко мне обратились на «Вы» и назвали барышней. Я почувствовала себя значимой фигурой и обстоятельно, с чувством собственного достоинства, подробно начала рассказывать о том, что меня мучило.

Фёдор Фёдорович внимательно слушал, затем вставил в уши слушалку (так, играя в доктора, ребятня называла фонендоскоп) и велел мне задрать кофточку. Приложив металлический кружочек с чёрной мембраной к моему тщедушному тельцу он как будто застыл на месте.

Я невольно затаила дыхание и подумала про себя: «Если бы он был потолще и постарше, то получился бы вылитый Айболит.»

Он несколько раз просил меня присесть, потом встать, потом лечь, повернуться то на один бок, то на другой, считал пульс, светил фонариком то в один глаз, то в другой, барабанил пальцем правой руки по двум другим левой, что вызвало у меня смех.

Нахмутив брови, Фёдор Фёдорович приложил указательный палец правой руки к собранным в трубочку губам, давая понять, что осмотр ещё не закончен.

Я изо всех сил старалась не смеяться. Но когда он стал щупать мой живот, не смогла сдержаться от смеха. Так мне было щекотно. Наконец, он встал.

– Ну что, хохотушка, осмотр окончен. Извини, что немножечко тебя помучил.

– Что вы, Фёдор Фёдорович! – воскликнула я. – Нисколечко!

– Вот и хорошо, вот и хорошо! А теперь подожди немножко за дверью. Мне нужно поговорить с твоим папой, – сказал он задумчиво, положив мне руку на голову.

Я поблагодарила доброго Айболита, как теперь называла его про себя, и вышла. Вскоре появился папа. Он был чем-то встревожен.

– Папа, почему ты невесёлый? – спросила я. – Фёдор Фёдорович такой хороший доктор, настоящий Айболит! Он обязательно мне поможет.

– Конечно, поможет, дочка, – подтвердил папа, грустно улыбувшись.

В этот вечер меня рано уложили спать. Ночью мне снился Айболит в облике Фёдора Фёдоровича. Я помогала ему лечить разных зверушек. Особенно запомнился ободранный рыжий кот, которому я пыталась пришить ухо нитками из маминой шкатулки.

Утром проснулась рано в хорошем настроении. Ведь ухо моего ночного гостя успешно было пришито к его голове, и я чувствовала себя героиней. Тогда я твёрдо решила, что стану доктором.

Дверь в кухню была слегка приоткрыта. Полоска электрического света пробивалась через щель. Я услышала тихий разговор, почти шёпот, но слов не разобрала. Когда открыла дверь, увидела родителей, сидящих за обеденным столом. Они оба вздрогнули от неожиданности. Их лица выглядели уставшими. А у мамы ещё не просохли слёзы на щеках.

– Танечка, почему ты так рано встала? – спросила она. – До школы целый час. Могла бы ещё поспать.

– А вы что, ещё не ложились? – ответила я вопросом на вопрос.

– С чего ты это взяла? Просто сегодня мне нужно пораньше на службу. А мама встала, чтобы приготовить мне завтрак, – ответил папа.

Он никогда не умел врать. На столе не было никакого завтрака, стояли только две полупустые чашки с остывшим кофе.

Через неделю мы с мамой поехали на консультацию к знаменитому профессору-кардиохирургу, Сергееву Сергею Ивановичу, в Хабаровскую краевую больницу. На Дальнем Востоке, где мы в то время проживали, профессор слыл светилом медицины.

В кабинете нас встретил высокий, довольно пожилой человек, с проседью в густых, когда-то тёмно-русых, волосах. Лицо было суровым, будто высеченным из камня, но глаза за тонкими стёклами очков в золотой оправе, излучали доброту.

Он предложил маме стул, а сам проковылял к своему креслу, стоявшему за письменным столом. Было заметно, что он сильно хромотает. Впоследствии я узнала, что у профессора была ампутирована одна нога до коленного сустава, и он ходил на протезе.

Поговаривали даже, будто он потерял ногу, попав под машину, спасая ребёнка. Возможно, это была легенда, которыми обычно овеяна жизнь замечательных людей. А, может быть, и нет. Да это и не важно. На самом деле Сергей Иванович спас жизни и вернул детство тысячам детей, а их родителям – надежду и радость жизни, которые, казалось, были утеряны навсегда.

Кабинет профессора был достаточно просторным. Две стены персикового цвета почти сплошь были увешаны фотографиями, как я узнала позже, спасённых им детей. У одной стены, рядом с входной дверью, стоял огромный, почти до потолка, стеллаж с книгами. Оба широких подоконника больших окон были заставлены цветочными горшками с кое-где начинавшими цвести цветами.

За окнами был слышен гул машин, а через открытую форточку доносился аромат сирени. Стоял май месяц. На столе у Сергея Ивановича красовался огромный букет алых роз.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – произнёс профессор, указывая маме на предварительно отодвинутый стул.

– Валентина Сергеевна, – обратился он к ней по имени-отчеству. – Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Подробно расскажите мне о проблемах вашего ребёнка. Я постараюсь сделать всё, что в моих силах.

Я была разочарована тем, что профессор спрашивает о моих проблемах не у меня, как это делал Айболит, а у моей мамы. «Как будто я маленькая», – подумала я сердито, когда меня попросили удалиться за дверь.

Пока мама разговаривала с Сергеем Ивановичем, я расхаживала по приёмному покою и изучала мозаичные плитки на полу. Они мне казались необыкновенно красивыми, а сама больница – каким-то таинственным замком.

Меня очаровывало всё: и атмосфера покоя, иногда прерываемая воем сирены подъезжающей машины «скорой помощи», и высокие сводчатые потолки старого здания, и полумрак,

пронизываемый лучами света, пробивающегося сквозь пыльные стёкла широких окон, и прохладный воздух, смешанный с запахом медицинских препаратов, и полустёртый ногами сотен тысяч страждущих людей мозаичный пол, и портреты знаменитых врачей, развешенные на стенах фойе.

Возможно, тогда я погрузилась, говоря научным языком, в медицинский эгрегор. Уже тогда, будучи восьмилетней девочкой, я интуитивно чувствовала, что моё будущее в какой-то мере предопределено. Будучи погружённой в свои мысли, не заметила, как подошла мама.

– Танечка, тебе придётся остаться в больнице, – сказала она слегка дрогнувшим голосом.

– Но до конца учебного года ещё две недели, – возразила я, радуясь в глубине души, что мои каникулы продлятся на целых две недели дольше.

– Ничего. Я договорюсь с классным руководителем, – ответила мама.

Меня поместили в палату, где были двое взрослых, какими мне казались тогда шестнадцати и семнадцатилетняя девушки, и два ребёнка – я и трёхлетняя девочка с мамой.

Девушки что-то говорили о предстоящих операциях. Я понимала, что это означает. Женька из нашего класса часто и со всеми подробностями рассказывал, как ему удаляли аппендицит. Для нас, его одноклассников, он был чуть ли ни героем.

Маленькая девочка по имени Ангелина часто плакала, задыхалась и становилась при этом совершенно синей. Её мама не отходила от неё ни на шаг. Днём она пыталась развлечь девочку, рассказывала ей сказки, называла почему-то болотной кикиморой, на что Ангелина реагировала хлопаньем в ладошки и звонким смехом.

Они спали в одной кровати. А когда девочка засыпала, под одеялом раздавались жалостные всхлипывания её мамы.

Через три дня Ангелину увезли на операцию. Больше мы их не видели.

Моя двухнедельная «халява» оказалась не столь уж приятной. Целыми днями напролёт меня подвергали каким-то пыткам: то брали кровь из пальца, то из вены, то заставляли дуть в какую-то трубку, то какую-то трубку пихали внутрь, то, приставляя к какому-то холодному аппарату, заставляли глубоко дышать, то, опутав проводами, ставили присоски на грудную клетку. Каждый день я ждала нового подвоха.

Единственной отдушиной был приход мамы или папы. Они приносили мне всякие сладости и игрушки, которые хоть как-то скрашивали мою жизнь.

Соседки по палате, наверное, считали меня мелюзгой, и практически со мной не общались. Зато они раскрывали друг другу сердечные тайны, не обращая на меня никакого внимания. А я слушала, притворившись спящей, и подсмеивалась над ними.

По моей просьбе мама принесла мне календарь, и я старательно обводила кружочком каждый день, проведённый в больнице.

Так прошли почти две недели. «Наконец-то мои мучения закончились», – подумала я и стала собирать свои вещи, поджидая маму. Однако, моя радость оказалась преждевременной. На исходе второй недели, в субботу, пришла мама. Она старалась улыбаться, но это у неё не очень получалось. Мама предложила мне погулять в больничном садике.

Был тёплый весенний день. Мы присели на скамеечку.

– Танечка, послушай, – произнесла она. – Я только что разговаривала с профессором. У тебя обнаружили врождённый порок сердца. Чтобы ты полностью выздоровела, необходима операция.

Мама говорила, подбирая каждое слово, чтобы не напугать меня, и изо всех сил старалась подготовить психологически к этому событию. Однако я не только не испугалась, но в каком-то

смысле даже обрадовалась, думая при этом с восторгом: «Ну, Женька, держись! У тебя какой-то там аппендицит был. А вот у меня будет операция на сердце!»

Мама продолжала что-то говорить, но я её не слушала, погружившись в свои мысли: «Конечно, придётся оторвать две недели от каникул. Зато какое это будет событие!»

Мама приняла мою задумчивость за испуг и с ещё большей силой продолжила меня успокаивать. А я в это время думала только о том, как буду рассказывать ребятам со всеми подробностями, как мне делали операцию на сердце.

Наконец я очнулась и поняла, что нужно успокаивать маму.

– Я нисколько не боюсь, – сказала я ей. – Айболит, ведь сказал, что всё будет хорошо.

А я ему верю.

– Какой ещё Айболит? – спросила она.

– Ну Фёдор Фёдорович, папин знакомый, – ответила я с некоторой укоризной.

Мама улыбнулась. Она упростила старшую сестру отпустить меня на пару часов. Мы вышли через большие больничные ворота. Сначала зашли в кафе. Я до сих пор помню вкус моего любимого мороженого из трёх шариков с клубничным вареньем. Потом посмотрели в летнем кинотеатре, который открылся неделю назад и находился рядом с больницей, «Шербурские зонтики». От тогдашних впечатлений в памяти осталось только название и прекрасная музыка.

Начало смеркаться. Мы направились в сторону больницы. Мама довела меня до самой палаты, поцеловала и пожелала спокойной ночи. Конечно, ей досталось от старшей сестры, так как вместо двух часов мы прогуляли все четыре.

Обе мои соседки уже были прооперированы. Одну привезли обратно в палату. Другая ещё оставалась в реанимации. Меня начали готовить к операции.

Через неделю, в понедельник, во время обхода профессор присел на край моей кровати и объявил: «Завтра будет операция. Надеюсь, ты не боишься». Я отрицательно покачала головой. «Ну вот и умница», – сказал профессор, погладив меня по голове. И, оставив на моей тумбочке плитку шоколада, хромающей походкой направился к следующей пациентке.

Ночью мне приснился странный сон. Я видела прекрасную незнакомую мне даму. На ней было красивое платье с высоким кружевным воротником и перламутровыми пуговичками, а на голове маленькая чёрная шляпка с вуалью. Хотя из-за вуали глаз не было видно, казалось, они светились зеленовато-голубоватым светом. Она улыбнулась мне, и произнесла: «Не бойся. Всё будет хорошо!» Я хотела спросить, кто она? Но дама исчезла.

Когда я проснулась, увидела маму. Она сидела у моей кровати, прижимая мою ладошку к губам. Обрадовавшись, я вскрикнула:

– Мама, как хорошо, что ты пришла!

– Как же я могла не прийти? – с грустной улыбкой ответила она.

– Ты знаешь, мне приснился странный сон, – и я принялась рассказывать его содержание.

Мне показалось, что в маминых глазах мелькнул страх и тревожное ожидание. Когда же она дослушала до конца, её лицо просветлело, и мне даже показалось, что она вздохнула с облегчением.

Через час меня повезли в операционную. Там накрыли белой простышкой, поставили капельницу и велели считать до десяти. Я подумала про себя, что наркоз на меня не подействует, не может быть, чтобы я заснула против своей воли.

Как только досчитала до шести, почувствовала будто мой рот кто-то набил ватой, и я не могу больше произнести ни слова.

Проснулась уже в реанимации. У моей постели сидели мама с папой в белых халатах. У мамы по лицу текли слёзы. «Наверное, от радости», – подумала я. Папа еле сдерживался, чтобы не заплакать.

Посторонним в то время находиться в реанимации было запрещено. Родителям разрешили только взглянуть на меня.

Выздоровление шло быстро. Через две недели после операции я уже была дома. Учебный год к тому времени закончился. Наступили летние каникулы.

Я ещё не могла наравне с другими детьми бегать и прыгать. Но зато с упоением и всеми подробностями рассказывала своей дворовой компании о перенесённой мною операции, как будто это я спасла человека от смерти. При этом, конечно, немного привирала, говоря, что ничего не боялась, даже уколов.

Впереди были почти три месяца каникул. Постепенно я стала набирать вес. А вскоре и вовсе забыла обо всех своих недугах. Часто ловила себя на мысли, что теперь могу бегать и прыгать как ни в чём не бывало.

Лето было на редкость тёплым, и я целыми днями пропадала во дворе с соседскими ребятами.

Примерно в полукилометре от нас протекал Амур. И родители часто брали меня с собой на речку, хотя купаться ещё не позволяли.

В самом начале августа мы с мамой отправились на целый месяц в санаторий, во Владивосток. Я впервые увидела океан. «Будет, что рассказать ребятам. Вот обзавидуются!» – пронеслось в голове.

Мы жили в разных санаториях, находившихся недалеко друг от друга.

После обеда мама забирала меня, и мы шли к океану. Тихоокеанское побережье, казалось, было просто залито солнцем. Я не помню ни одного дождливого дня, хотя, наверняка, они были. Каждый раз мы покупали на набережной вкуснейшие чебуреки, от воспоминания о которых до сих пор текут слюнки. А потом долго шли вдоль берега, дыша свежим тихоокеанским воздухом, собирали отшлифованные волнами красивые камешки и ракушки, из которых потом я делала бусы для мамы и для себя. Иногда мы гуляли дотемна, пока солнце не начинало садиться за горизонт, окрашивая волны в золотисто-розовый цвет.

Мама была высокой, стройной и очень красивой. У неё были ярко-голубые глаза, слегка курносый носик, полные, красиво очерченные губы и две толстые тёмно-русые косы, уложенные на голове в виде короны.

Я часто любовалась ею, особенно когда на ней было моё любимое бледно-розовое платье с короткими рукавами-фонариками и широким поясом, завязывающимся сзади бантом. Не удивительно, что проходившие мимо мужчины бросали на неё восхищённые взгляды.

Не успели оглянуться, как наш отдых подошёл к концу. Мы хорошо отдохнули, загорели, набрались сил. Я поправилась на целых два килограмма. Это была незабываемая поездка. Но пора было возвращаться домой.

Папа с нетерпением ожидал нас на перроне с огромным букетом цветов. Он был под стать маме – чуть выше среднего роста, подтянутый, мускулистый. У него был идеально прямой нос, серо-зелёные глаза и шевелюра тёмно-русых вьющихся волос.

Окружающие говорили, что они очень красивая пара. Я ими очень гордилась.

Лето пролетело незаметно. Когда 1 сентября я пошла во 2-ой класс, чувствовала себя здоровым, полноценным ребёнком. Часто, с чувством большой благодарности, вспоминала и вспоминаю своих Ангелов-Спасителей: Айболита и профессора Сергеева.

Однако, на основании справки, выданной в больнице, продолжала, как сейчас бы выразились, «косить» от физкультуры, о чём до сих пор сожалею.

Через год родилась моя сестричка, Машенька. Я была очень рада этому обстоятельству, потому как давно мечтала занять младшую сестру или брата, чтобы иметь возможность хоть кем-то руководить, и всегда завидовала детям, у которых таковые имелись.

С горделивым видом я расхаживала по двору с коляской, ощущая себя взрослой и самостоятельной особой, представляя, как поведу Машеньку за ручку в садик, а потом и в школу, посвящала ей смешные стишки вроде этого:

У меня сестра Машутка.
Она ещё совсем малютка.
Подрастёт ещё немножко,
Кашу будет лопать ложкой.
Рацион её пока
Состоит из молока.
Будет в платья наряжаться,
С ребяtnёю баловаться.
А пока что погремушка —
Её лучшая подружка.

Вскоре наша семья переехала из Хабаровска в гарнизон под названием Гаровка, по месту дальнейшего прохождения службы отца.

Он научил меня кататься на мопеде. И я гоняла на нём сначала по стадиону, а потом, тайком от родителей, посещала подругу, жившую на дальней точке, в нескольких километрах от нашего гарнизона.

Папа научил меня прочищать карбюратор в случае, если заглохнет мотор. И однажды он-таки заглох. Я была ужасно горда собой, когда мне удалось устранить неполадку и продолжить свой путь. Очень хотелось произвести впечатление на одноклассников, поэтому я не упускала возможности рассказывать им об этом эпизоде, причём как об обыденном для меня деле.

Когда я закончила школу, отец демобилизовался из армии, и мы переехали в Ригу, где жили все мамыны родственники. Долгое время я тосковала по своим друзьям, по городу, в котором прошло моё детство и юность. Мне казалось, что во всём мире нет природы красивее дальневосточной.

Часто вспоминала пионерский лагерь «Красная звезда», куда родители ежегодно отправляли меня во время летних каникул.

Однажды, просматривая книгу «Дальневосточный край» с великолепными иллюстрациями природных богатств и красот этого неповторимого уголка земли, привезённую с собой

из Хабаровска, и предаваясь греющих душу воспоминаниям, поймала себя на мысли, что тоскую не только по городу моего детства, но и по России в целом.

Хотя я и родилась в Риге, этот город, с другим укладом жизни, другими нравами и обычаями, был чужд для меня. Незаметно мои мысли стали превращаться в стихотворные рифмы:

Я тоскую по России.
Часто снятся мне во сне.
Васильки синее сини,
Рек разливы по весне.

Я мечтаю, как проснусь
С первым криком петуха,
В сарафан свой наряжусь,
Выпью крынку молока,

Захвачу краюху хлеба,
По росе босой пройдуь,
Устремлю глаза на небо,
И отступит сразу грусть.

Я мечтаю, как вернусь
В незабвенный край родной.
Дорогая моя Русь!
Я вернусь к тебе домой.

Так закончилось моё детство. Нужно было готовиться к вступительным экзаменам в медицинский институт, о котором я мечтала.

Чуть больше года мы всей семьёй жили в однокомнатной квартире у бабушки Ани и её второго мужа, Григория, которого мы с Машей звали дедушкой, и их дочери Лауры, пока папе не предоставили трёхкомнатную квартиру по линии военного ведомства.

Машутка пошла в 1-ый класс, а я поступила в медицинский институт.

Шесть лет пролетели как один день. И вот я уже дипломированный врач, прошедший интернатуру по хирургии.

Глава 2

Зональная больница. Старая Перечница

После окончания института меня распределили в небольшую зональную больницу в 120 километрах от Риги. Таких, к сожалению, в Латвии уже не осталось.

Больничка вместе со службой «скорой помощи» размещалась в трёхэтажном каменном здании, в живописнейшем месте, на берегу Даугавы.

Неподалёку находился небольшой базарчик, куда местные жители свозили свою продукцию, кафе-бар и маленький продуктовый магазинчик.

Поскольку свободными помещениями больница не располагала, меня временно разместили в кабинете главврача, коим оказалась пожилая женщина, прошедшая боевую закалку и отточившая мастерство хирурга на фронтах Великой Отечественной войны, Галина Семёновна Кожевникова. Она была довольно грузной, седовласой особой с крутым нравом и грубым прокуренным голосом.

– Ну что, милочка, надолго к нам? – спросила она, не вынимая папиросу изо рта, как только я появилась на пороге её кабинета.

– На два года, – робко ответила я.

Сделав глубокую затяжку и выпустив дым через ноздри, Галина Семёновна бесцеремонно произнесла, тыча в меня двумя пальцами с зажатой между ними папиросой:

– Так и знай, сбежать раньше я тебе не позволю. Два года отработаешь как миленькая. А там посмотрим. Жить пока будешь в моём кабинете. Подъём в семь. Надеюсь, полчаса тебе хватит привести себя в порядок. Полвосьмого должна освободить кабинет. Поняла?

Я кивнула, подумав при этом: «Вот влипла, так влипла!»

– Ну, тогда ступай, – сказала она смягчившимся голосом, наверное, заметив недоумение в моих глазах.

Когда я уже взялась за дверную ручку с намерением не просто выйти, а пулей вылететь из кабинета, забыв спросить, куда ступать и что делать дальше, услышала за спиной окрик.

– Да, вот ещё что. Постельное бельё и халат получишь у сестры-хозяйки, Аусмы, в хозяйственном блоке.

Аусма оказалась милой женщиной лет шестидесяти.

– Ну что, не понравилась вам наша Старая Перечница? – спросила она приветливо с латышским акцентом.

Я неопределённо пожала плечами.

– Да вы не обращайтесь внимания. Это она только с виду такая грозная. Последние несколько лет никто больше, чем на полгода, здесь не задерживался. Вот она и злится. Я работаю с ней уже лет пятнадцать. Добрейшей души человек. Вот увидите, она вам понравится, – сказала сестра-хозяйка, протягивая мне халат. – А за бельём зайдёте позже.

Я поблагодарила её, и, надев халат, робко постучала в дверь главврача.

– Войдите! – прорычала та и без предисловий перешла к делу. – Сейчас пойдём на обход. Покажу тебе наших пациентов. Потом сделаешь перевязки, оформишь истории болезней. И ступай на приём в поликлинику, на первом этаже. Вия в курсе.

Операционный блок находился в правом крыле второго этажа, а палаты и ординаторская – в левом. Весь стационар состоял из шести палат, на пять-шесть пациентов каждая: по две терапевтические и хирургические, одна гинекологическая и одна палата для детей.

В сопровождении дежурной сестры, Нади, мы направились в хирургические палаты.

Галина Семёновна, подходя к каждому пациенту, сначала справлялась у него о самочувствии, затем выслушивала доклад медсестры о произошедших изменениях в состоянии каждого больного за истёкшие сутки. А потом уже, обратившись ко мне, озвучивала диагнозы и тактику лечения.

После обхода Старая Перечница, как называла её Аусма, хотя и любя, как мне показалось, торопливо накинув поверх халата лёгкий плащ, направилась к выходу, где её уже ожидала больничная легковушка, на ходу давая мне последние распоряжения:

– Если будут поступать по «скорой», осмотришь, назначишь анализы. В неясных случаях направляй в стационар. Приеду, разберусь. Мне нужно отлучиться на пару часов в район.

Галина Семёновна умела обходиться без лишних слов. Её речь состояла из кратких распоряжений. У меня сложилось впечатление, что она вообще не умеет нормально говорить, а может только давать указания.

Выполнив порученную мне работу в отделении, я направилась в так называемую поликлинику, которая располагалась в левом крыле первого этажа и состояла из нескольких кабинетов для приёма пациентов разного профиля, лаборатории, рентген-кабинета, регистратуры с двумя рядами стульев вдоль стен и небольшой аптеки.

К приёмному покою примыкала небольшая комната для дежурного врача, где он мог отдохнуть в отсутствие пациентов. Был также санитарный «пропускник», где проводилась санитарная обработка пациентов, поступающих в стационар, и комната отдыха для дежурной бригады, состоявшей, как правило, из фельдшера и водителя. Полагался ещё санитар. Но они всегда были в дефиците. Поэтому фельдшерам, двое из которых были молоденькими девушками, недавно окончившими медучилище, было нелегко. Им приходилось таскать по этажам тяжёлые сумки с медицинскими инструментами и медикаментами, а порой вместе с водителем нести и самих пациентов в машину «скорой помощи», нередко спуская их с последнего этажа многоэтажного дома.

Найдя дверь с табличкой «хирург», я вошла внутрь. Слева за столом сидела приятной наружности молодая женщина лет сорока. На ней был накрахмаленный халат, я бы сказала, ослепительной белизны, и такая же шапочка, из-под которой выбивались завитушки белокурых волос, игриво падая на лоб. Мелкие черты лица и слегка подкрашенные розовой помадой губы придавали лицу кукольное выражение.

Она широко улыбнулась мне, вставая из-за стола, и, подавая правую руку, произнесла:

– Вия.

– Очень приятно, – представившись и пожав её руку, ответила я, усаживаясь на свободный стул напротив.

Начался приём. В нашем кабинете была небольшая операционная для мелких манипуляций, автоклав для стерилизации перевязочного материала и инструментов и гипсовочная, где накладывались гипсовые лонгеты и повязки при неосложнённых переломах, после вправления вывихов и растяжения сухожилий.

Вия была отменной медсестрой. Она умела делать практически всё: накладывать гипсовые лонгеты, вскрывать гнойники, делать повязки любой сложности. Она же выписывала

направления на анализы и обследования, а также оформляла больничные листы, что в значительной степени облегчало мою жизнь.

Мне же оставалось только подписаться и поставить печать. В мои обязанности входил осмотр пациентов, краткая запись в медицинской карточке и указания медсестре – кого куда направить и кому какую манипуляцию сделать.

Таким образом, вся практическая часть была на ней, за исключением некоторых мелких операций, вправлений вывихов, репозиций переломов, пункций суставов и новокаиновых блокад.

Вия не раз выручала меня, когда возникала необходимость в моём присутствии на большой операции в стационаре. На неё всегда и во всём можно было положиться.

В этот день приём начинался во второй половине дня, с двух часов. Как раз к его окончанию вернулась Галина Семёновна. К моему сожалению, ни один кандидат на операцию не поступил. Я доложила обстановку. Кажется, Старая Перечница осталась довольной.

В восемь часов вечера она, наконец-то, покинула свой кабинет. Я вздохнула с облегчением, и вошла внутрь. Едкий запах табачного дыма, стоявшего, как говорится, столбом, ударил мне в нос. «Какую гадость она курит!» – подумала я, увидев в мусорной корзине смятую пачку Беломорканала.

Распахнув окно, почувствовала как свежий речной воздух, смешанный с ароматом флоксов и каких-то других цветов проникает в комнату. Окна были обращены прямо на Даугаву, протекавшую буквально в пятидесяти метрах от больницы, открывая чудесный вид.

Был прекрасный тёплый вечер. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-сиреневые тона. Поверхность воды казалась неподвижной, почти зеркальной.

Я надела купальник, набросила лёгкий ситцевый халатик и направилась к реке.

Посреди больничного двора был разбит альпинарий. Удивительно с каким вкусом он был устроен. Между цветными камнями выглядывали разных видов аютины глазки, разнообразные сорта лилейника, горицвета и жимолость с её неповторимым ароматом. Справа от входной двери росла глициния с висящими соцветиями. А по обеим сторонам от входа в качестве вазонов стояли два тухлявых пенёка с разноцветными петуниями.

Почти у края берега заметила деревянную, слегка облупившуюся от солнечных лучей, беседку, увитую клематисом с белыми и сиреневыми цветочками.

«Это просто райский уголок!» – с восторгом подумала я. – Если бы не эта Старая Перечница, спокойно можно было бы работать и наслаждаться жизнью».

Спустившись к реке, сначала опустила босую ногу в воду, нагретую жарким летним солнцем, и, найдя её просто восхитительной, зашла поглубже и поплыла.

Смеркалось. Золотой шар опускался за горизонт, золотя верхушки деревьев на противоположном берегу реки и оставляя на воде золотистую дорожку, освещавшую быстро передвигающиеся круги, сопровождающиеся тихими всплесками воды.

Оказалось, это резвилась мелкая рыбёшка, время от времени выскакивая наружу, поблёскивая своими серебристыми спинками, и на лету ловя мошкару.

Выйдя из воды, я обтёрлась грубым казённым полотенцем, выданным мне Аусмой в личное пользование.

На берегу меня поджидал жирный чёрный кот с лоснящейся шерстью и мяукал. Его я заприметила ещё днём у беседки, развалившимся на солнышке и потягивающимся от удовольствия.

– Наверное, тебя кто-то подкармливает рыбкой? Не по адресу ты, дружок, обратился. Я не умею ловить рыбу, к сожалению, – сказала я ему. Кот, как будто поняв меня, поднял хвост трубой и с чувством собственного достоинства пошёл прочь. А я направилась в своё временное пристанище.

Хотя полностью запах табака выветрить не удалось, потому как он накрепко въелся и в шерстяные занавески, висевшие на окнах, и в обивку дивана и двух кресел, в комнате посвежело.

Я включила свет и начала изучать обстановку. У левой стены стоял старый трёхметровый то ли секретер, то ли сервант. Верхние полки были застеклены. За стеклом рядами были поставлены книги, некоторые в старых, изрядно потрёпанных переплётках, в основном по медицине. Ниже располагались три выдвижных ящичка, один из которых был пустым. В него-то я и положила всякие мелочи и предметы гигиены. Ещё ниже обнаружился пустой ящик с дверцами. «Наверное, специально для меня освободили», – подумала я, приятно удивившись.

Между сервантом и окном обнаружился довольно узкий платяной шкаф. Так что и для верхней одежды нашлось место.

К окну был придвинут большой письменный стол с ободранными ножками, покрытый сверху оргстеклом, под которым лежал календарь и графики дежурств персонала, а на нём – куча историй болезней, пластмассовый стаканчик с остро отточенными карандашами и ручками.

Мой взгляд упал на слегка пожелтевшую фотографию, находившуюся за стеклом в деревянной рамке на подставке. На ней улыбался белокурый мальчик лет трёх, державший в руках огромного плюшевого медведя и удивительно походивший на Старую Перечницу. «Наверное, её внук», – подумала я.

У правой стены стоял изрядно потёртый диван, два кресла такого же вида и журнальный столик, покрытый кружевной салфеткой, а на нём – глиняная ваза со свежими полевыми цветами.

На противоположной по отношению к окнам стене с одной стороны от входной двери висела огромная карта мира, а с другой – выступала полусфера металлической печки, топка которой находилась снаружи.

Застелив диван чистой простыней и втянув подушку в наволочку, я улеглась, накрывшись серым байковым одеялом в посеревшем от времени пододеяльнике, заведя будильник на шесть часов утра.

Через тонкую прозрачную занавеску, колыхавшуюся от дуновения лёгкого ветерка, был хорошо виден серебристый диск полной луны, а через полуоткрытое окно – отчётливо слышен лёгкий плеск прибрежной волны. Полоска лунного света, проникающего в комнату, не давала заснуть.

Задвинув плотные шторы, повернулась лицом к спинке дивана и уже начала засыпать, как услышала шум машины, въезжающей в больничный двор. Привезли больного. Моментально вскочив с постели, наскоро оделась, и, накинув медицинский халат, спустилась в приёмный покой.

На кушетке лежал молодой человек лет двадцати пяти. Он держался за низ живота и слегка постанывал. Возле него уже хлопотала дежурная врач, ощупывая ему живот и одновременно давая указания дежурной медсестре:

– Померь температуру под мышкой и ректально, и возьми полный анализ крови.

Та, кивнув головой, побежала выполнять данные врачом распоряжения.

Дежурная врач была женщиной далеко не первой молодости. Но густой румянец на щеках, который, по моему мнению, был не к месту, придавал её лицу цветущий вид. Оказалось, что она болела «красной волчанкой». И мне, узнав об этом, потом было стыдно за свои мысли.

Мы представились друг другу. Зента Яновна оказалась женщиной серьёзной, но доброжелательной и, я бы даже сказала, чуткой. Её цепкий взгляд хватывал такие мелочи, которые другие не замечали. Поэтому она слыла хорошим диагностом.

Закончив осмотр пациента, Зента Яновна повернулась ко мне:

– Пожалуйста, коллега. Кажется, он по вашему профилю.

Я подошла к больному, собрала анамнез, посмотрела язык, ощупала живот. Было похоже на острый аппендицит с перфорацией отростка и диффузным перитонитом. Диагноз подтвердил и анализ крови, который к концу моего осмотра уже был готов.

Позвонила Галине Семёновне, доложила о больном. Через полчаса она уже была на месте. Осмотрев пациента, Старая Перечница подтвердила мой диагноз и строгим голосом, обращаясь к дежурной медсестре, произнесла: «Готовь к операции!» – А мы с тобой пока чайком побалуемся, а заодно и побеседуем, – сказала она, повернувшись ко мне, и, легонько подталкивая в нужном направлении, увлекла в свой кабинет.

Наполнив чайник водой из графина и поставив его на электроплитку, Галина Семёновна начала выкладывать на столик содержимое тумбочки.

– Чего стоишь? Присаживайся. Не робей. В ногах ведь правды нет, – отрывисто произнесла она. – Тебя, кажется, Татьяной зовут?

Я утвердительно кивнула головой.

– Онегин, я скрывать не стану. Безумно я люблю Татьяну, – пропела Старая Перечница, чудовищно фальшивя.

Заварив чай, который по виду больше напоминал чифир, Галина Семёновна наполнила им свой стакан в подстаканнике, а мне подала на блюдечке в чашке.

При взгляде на это пойло мне стало не по себе. На голодный желудок меня и от обычного-то чая тошнило. Поэтому я робко попросила кофе.

Валяй! – сказала главврач, криво усмехнувшись, продолжая прихлёбывать свой чифир, чередуя глотки с затяжками «Беломорканала».

«Как она может себя так гробить?» – подумала я.

Будто прочитав мои мысли, Старая Перечница произнесла, вытаскивая из полупустой пачки очередную папиросу:

– А мне терять нечего.

– А разве это не ваш внук? – я кивком головы показала на фотографию, стоящую на столе.

Бережно взяв фотографию в руки и тяжело вздохнув, она произнесла с нежной грустью:

– Ванечка- мой сыночек.

На её глаза навернулись слёзы, но совладав с собой, Галина Семёновна поставила фотографию на место и внезапно разоткровенничалась:

– Я ведь, Танюша, коренная ленинградка. До войны отец работал инженером на литейном, мать преподавала в школе русский язык и литературу, а я училась в Первом меде имени Павлова. На втором курсе к моему сокурснику Славке приехал брат Николай, который в то время учился, – она на мгновение задумалась, стараясь при этом как можно аккуратнее стряхнуть пепел в старую керамическую чашку без ручки, стоящую на поручне кресла и выполняющую роль пепельницы.

– Сразу и не вспомнишь, в Ленинградской военно-теоретической школе Красного Воздушного Флота, кажется, так называлось это заведение, – с чувством удовлетворения, наконец,

произнесла Галина Семёновна.– Славка познакомил меня с ним, высоким кареглазым брюнетом с мужественным лицом и ослепительной улыбкой, которая тотчас же меня пленила. На следующий день, выходя из института, я увидела Николая. Он сидел на скамейке в сквере с букетом цветов, поджидая меня. Мы начали встречаться. Ходили в кино, наслаждались в местных забегаловках ароматным кофе со свежееиспечёнными булочками, а потом долго гуляли по набережной Невы, держась за руки. Я была влюблена в него по уши. Жизнь казалась прекрасной и многообещающей. Но две недели, которыми ограничивалась его побывка, быстро пролетели. Николай уехал продолжать учёбу в Павловское, где располагалось его училище. Наши встречи стали редкими, но мы часто писали друг другу.

Я внимательно слушала Галину Семёновну и наблюдала, как преображается и светлеет её лицо, как светятся глаза. Передо мной сидел совсем другой человек – добрый, ранимый, с мягкими нотками в хотя и прокуренном голосе, с хорошо поставленной речью.

Между тем, Галина Семёновна продолжала:

– Через полгода, Николай сделал мне предложение, и мы сыграли студенческую свадьбу, как раз во время каникул, хотя родители были категорически против. Считали, что сначала нужно закончить институт. К концу третьего курса у меня родился Ванечка. Академический я брат не стала. Мама помогла.

За год до начала войны муж уехал в Серпухово продолжить своё образование в Высшей военной – авиационной школе воздушной стрельбы и бомбометания, Стрельбومه, как её называли курсанты, а оттуда напрямиком на Северо-Западный фронт.

Аккурат к началу войны и я закончила институт, и, вопреки категорическим возражениям и даже мольбам мамы, ушла на фронт, оставив на неё трёхгодовалого Ванюшку. Отец ушёл добровольцем несколькими днями раньше.

Галина Семёновна внезапно замолчала, закуривая очередную папиросу.

– Если бы я только знала. Если бы я только знала, – сокрушённо повторяла она, будто могла что-то изменить в своей судьбе.

Я, затаив дыхание, слушала, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить ход её мыслей.

– Восьмого сентября 1941 года, – продолжала Галина Семёновна, – немецкая группировка Норд вышла с севера к ладожскому озеру, а финны подошли с юга, взяв город в кольцо. В этот же день был разгромлен городской склад с продовольствием. Выдавали по 125 грамм хлеба на человека в сутки.

Мама пошла работать на Кировский завод, выпускавший танки для фронта, оставляя Ванечку со своей соседкой, пожилой женщиной, тётёй Шурой. Однажды она не вернулась с работы, попав под очередную бомбёжку. А Ванечка умер от дистрофии.

Чтобы похоронить человека в блокадном Ленинграде, нужно было отдать полторы буханки хлеба – 500 граммов стоил гроб, столько же доставка на кладбище и услуги гробовщика. Так что, я даже не знаю, где похоронены мой Ванечка и мама. Обо всём этом я узнала от чудом выжившей тётёи Шуры, после прорыва Невского пяточка в январе 1944 года.

В 1943 пришла похоронка на мужа, а в 1945 – на отца, – с горечью заключила она, казалось, намеренно истязая себя болью тяжёлых воспоминаний.

– Вот ведь как бывает. Всю войну прошла. Ни одной царапины. А Ванюшка мой с мамой... – она запнулась. – Да что там говорить. Все слёзы уже давно выплаканы. Зачем я это тебе рассказываю? Ты уж меня прости.

– Ну что вы, Галина Семёновна. Человеку иногда нужно с кем-то поделиться. Моей бабушке Ане с мамой тоже не сладко пришлось во время войны, – поддержала я разговор. – Сначала они пережили страшные бомбёжки и оккупацию Старой Руссы, где в то время проживали, а потом и ужасы Саласпилского концлагеря.

В самом начале войны за город шли ожесточённые бои. Дом, где они жили, находившийся на окраине города, обстреливался практически каждый день то с одной, то с другой стороны. У моей бабушки была чудотворная икона Иверской Божьей Матери. Каждый раз, когда начинались обстрелы, она брала икону и ставила в то место, откуда велась стрельба. За всё время войны в дом не попал ни один снаряд.

Когда немцы вошли в город, один из офицеров поселился в бабушкиной квартире. Дорогой оклад с иконы он снял и, желая продемонстрировать меткость в стрельбе, выстрелил в неё, как раз в то место, где была изображена стекающая по щеке струйка крови. Через три дня его не стало.

– А что стало с иконой? – заинтересовалась Галина Семёновна.

– Бабушка закопала её в палисаднике у дома в одном месте, а другие ценные вещи – в другом. Самое интересное, когда они с мамой вернулись в Старую Руссу, которая была практически стёрта с лица земли, обнаружили, что закопанные вещи были разграблены, а икона осталась целой и невредимой. Сейчас она находится в доме моей младшей сестры в Москве.

Я заметила, как Галина Семёновна всё больше заинтересовывается моим рассказом.

– Как же твоя бабушка с мамой попали в лагерь? – спросила она.

– Когда Красная Армия начали наступление, немцы в срочном порядке стали вывозить всё самое ценное, а то, что не успевали увезти, уничтожали на месте. Часть жителей они угнали в Германию, а часть, в том числе и мою бабушку с мамой – в Саласпилский лагерь.

– А твой дедушка?

– Дедушка Сергей был дворянского происхождения. Во время конфискации Советской властью имущества семьи, его матери удалось кое-что припрятать. В голодные годы, то ли в 32-м, то ли в 33-м году, он сдал серебро в торгсин, чтобы купить продукты. Очевидно, это было не то серебро, которое разрешено было сдавать. На него донесли. Дедушке дали десять лет лагерей без права переписки. Родственникам даже не удалось узнать, в каком лагере он находился.

Через какое-то время бабушка получила ответ на очередной запрос с известием о смерти её мужа. Маме тогда было года три или четыре, а её братику, умершему в младенчестве, едва исполнился год. Дедушка так и не узнал, что у него родился сын.

От его матери невестке, то есть моей бабушке, достались фамильные драгоценности, а точнее то, что от них осталось – одна серёжка и кольцо, которое и спасло им с мамой жизнь.

Галина Семёновна внимательно слушала меня, ходя взад и вперёд. Пачка Беломорканала была уже почти опустошена, и окружающие предметы мне казались расплывающимися в сизой дымке.

Я понимала, что заинтриговала её. Поэтому, не дожидаясь очередных вопросов, продолжила:

– Когда мама с бабушкой вместе с другими женщинами и детьми прибыли в лагерь, их разместили по баракам. Лагерь находился за тройной оградой колючей проволоки. Людей там истязали непосильным трудом, морили голодом, подвергали физическим пыткам и унижениям. Над детьми проводили эксперименты, брали кровь для нужд немецкой армии.

Комендант лагеря, Курт Краузе, натравливал на заключённых свою овчарку. Как рассказывала бабушка, однажды она чуть не попала под его шальную пулю – у Краузе было хобби стрелять по узникам лагеря из окна своего кабинета.

Случайно бабушка узнала, что зажиточные латыши, имевшие большие хутора с десятками гектаров земли, брали из числа заключённых людей, которые батрачили на них. Она решила во что бы то ни стало встретиться с начальником лагеря и уговорить его отдать их с дочкой какому-нибудь хозяину в батраки в обмен на фамильные драгоценности. И ей удалось это сделать.

Бабушка была очень мудрой женщиной. Конечно же, она прекрасно понимала, узнай Краузе о том, что в старом саквояже, набитом всяким барахлом, находится кольцо, стоящее целое состояние, она бы не прожила и пяти минут. Поэтому пообещала расплатиться в тот момент, когда они с дочкой будут покидать лагерь. Сказала, будто выкуп должна принести её дальняя родственница.

Немец ничем не рисковал. Он был прекрасно осведомлён о том, на какой хутор каждый хозяин везёт своих батраков.

Через два дня за бабушкой с мамой приехал хозяин по фамилии Лапса. В момент отбытия из лагеря она достала кольцо из второго дна саквояжа и отдала его коменданту.

У хозяина жилось нелегко. Бабушка работала в поле. Вся работа по дому тоже легла на её плечи. А мама пасла коров, возвращаясь ежедневно с исколотыми сухой травой в кровь босыми ногами. Обувки не было. К середине осени, правда, хозяин выделил ей резиновые сапоги.

Но, несмотря на все трудности, ни мама, ни бабушка никогда о нём плохо не отзывались. По крайней мере, он хорошо кормил своих батраков. И в конце концов, хоть и косвенно, спас их от неминуемой смерти, – закончила я свой рассказ.

Галина Семёновна, покачав головой и тяжело вздохнув, произнесла:

– Да. Сколько человеческих судеб искалечила эта треклятая война!

Кажется, за эти 30—40 минут, пока больного готовили к операции, мы узнали друг о друге больше, чем за всё последующее время нашей совместной работы.

Вошла Надя и объявила:

– Всё готово. Больной на столе.

Часы показывали два часа ночи.

Мы поднялись и направились в операционную. В «предбаннике» одели операционные рубашки, шапочки и маски.

Тщательно вымыв руки и подняв их вверх, как учили нас в институте, я проследовала вслед за шефиной, как с некоторых пор стала уважительно называть Галину Семёновну про себя, и встала слева от больного.

Движением глаз она показала, что мы меняемся местами. Я посмотрела на неё с одной стороны недоумевающим, с другой – испуганно-умоляющим взглядом. Но она была непреклонна.

Перейдя на правую сторону и невероятным усилием воли уняв дрожь в коленях и руках, я взяла корнцанг с тампоном, поданный операционной сестрой, опустила его в банку со спиртом и начала обрабатывать операционное поле.

Больной уже был под наркозом, что показалось мне странным. Я не слышала, чтобы кто-то вызывал анестезиолога. Позднее я поняла, что фраза «готовить к операции» означала в том числе и вызов анестезиолога при необходимости.

Операционные сёстры каким-то непостижимым образом знали, когда операция будет под наркозом, а когда под местной анестезией.

Когда операционное поле было подготовлено, операционная сестра помогла нам одеть стерильные халаты и перчатки. Операция началась. Галина Семёновна держала крючки, стараясь обеспечивать максимальную видимость, время от времени давая ценные советы.

Отросток, к моему счастью, находился в типичном месте, но с перфоративным отверстием на верхушке, что и вызвало гнойный перитонит.

После удаления аппендикса нужно было эвакуировать гной из брюшной полости, залив туда около трёх литров физраствора с Диоксидином, и осушить потом большими марлевыми салфетками.

– Не забудь оставить два дренажа и назначить антибиотики, – сказала шефиня, когда операция подходила к концу.

Я кивнула.

– Рану зашьёшь с Иреной. Она опытная сестра. Если что, поможет, – добавила она, снимая халат и перчатки.

Через десять минут операция была закончена. Санитар Янис, который дежурил в этот день, вылил на меня целое ведро воды, вызвав моё недоумение, так как я понятия не имела о такой традиции посвящения в хирурги. Сначала я даже обиделась на него. Весь персонал вокруг смеялся и хлопал в ладоши, особенно Янис. Немного смутившись, я тоже засмеялась.

Переодевшись в сухую одежду, написала протокол операции, дала распоряжение дежурной медсестре относительно больного и, воодушевлённая и счастливая, направилась в свою обитель.

Было четыре часа утра. Спать оставалось не более трёх часов. Но заснуть было не так-то просто. Уж слишком много впечатлений принёс мне первый рабочий день.

Ворочаясь с боку на бок, я мысленно анализировала детали операции, думала, правильно ли наложила кисетный шов и погрузила культю отростка, хорошо ли промыла брюшную полость и поставила дренажи...

Галина Семёновна больше не казалась мне таким уж монстром. Её внешняя суровость была просто защитной реакцией человека, прошедшего все ужасы войны и потерявшего всех самых близких и дорогих людей. Работа стала её спасательным кругом, позволяющим удержаться на поверхности, не погрузившись в бездну отчаяния. Больше никогда, даже мысленно, я не называла её Старой Перечницей даже, если она делала, как мне казалось, несправедливые замечания в мой адрес или повышала голос.

Под утро я задремала.

Глава 3

Видение

Передо мной открылась огромная парадная зала в стиле ампир. Высокие потолки с великолепной лепниной, карнизами с рельефными украшениями и свисающими хрустальными люстрами, подвески которых сверкали ослепительным блеском в мерцающем свете множества свечей, поражали воображение.

Стены были отделаны дубовыми панелями с декоративной резьбой по периметру, которые чередовались с панелями, обитыми шёлковой тканью золотисто-красного цвета в виде ромбов.

По обеим сторонам стен находились по четыре дубовые пилястры с причудливыми капителями, украшенными цветочным орнаментом с позолотой.

По углам были расставлены банкетки, обитые красным бархатом, расшитым золотой шёлковой нитью; их короткие изогнутые ножки были выполнены в виде грифонов.

Рядом стояли маленькие круглые столики с инкрустированными ценными породами дерева столешницами, на которых величественно возвышались изящные китайские вазы со свежесрезанными благоухающими цветами.

Многочисленные бронзовые канделябры и жирандоли располагались на специальных мраморных подставках на длинных тонких изогнутых ножках, стоящих между окон, задрапированных такой же шёлковой тканью, как и часть панелей.

Полы, выполненные в виде ромбовидных узоров из белого, коричневого и зелёного мрамора, отражали мерцание свечей.

Мраморные белоснежные колонны с капителями, инкрустированные малахитом и цветной яшмой, соединённые между собой дубовыми арками, как бы ограничивали внутреннее пространство зала.

Внезапно тяжёлые дубовые двери с массивными бронзовыми ручками и накладными львами с позолотой открылись, и зала начала заполняться приглашёнными на бал гостями.

Дамы, затянутые в корсеты, в пышных бальных платьях со шлейфами и длинных ажурных перчатках, обмахиваясь необычайной красоты веерами и весело болтая между собой по-французски, дефилировали в центр зала, выстраиваясь напротив уже поджидавших их кавалеров в чёрных фраках, идеально скроенных по фигуре, белоснежных сорочках и белых перчатках.

Зазвучал полонез. Заложив одну руку за спину, вторую каждый из танцующих протянул своей партнёрше.

Барышни, слегка наклонив свои головки с причудливыми причёсками и улыбнувшись, изящным движением положили свои миниатюрные ручки сверху.

Бал начался. Один танец сменялся другим. После полонеза – менуэт, котильон, мазурка, па-де-труа... и, наконец, вальс.

Мой взгляд упал на неизвестно откуда появившуюся даму, которая разительно отличалась от всех остальных. Она была очень стройна. Глубокое декольте обнажало роскошные плечи и пышную грудь, прикрытую полупрозрачной шёлковой шалью. Неимоверной красоты муслиновое платье изумрудно-зелёного цвета, казалось, не падает, а струится вниз до самого пола. Под ним, очевидно, находился турнюр, придававший особое изящество фигуре.

Левая полусогнутая рука в длинной ажурной перчатке зелёного цвета покоилась на широкой юбке платья. В правой руке она держала веер из слоновой кости и китайского шёлка с причудливым золотисто-зелёным рисунком на чёрном фоне, отороченный черными перьями.

Её лицо было мраморно-белым. «Наверное, она пила уксус или лимонную кислоту», – подумала я. Где-то я читала, что девушки в 19 веке так делали, так как в моде была «болезненная женственность».

Тёмно-каштановые вьющиеся волосы были собраны на затылке и свисали локонами, тогда как у других дам – собраны в высокие причёски, переплетённые всевозможными косичками. На голове была маленькая зелёная шляпка с вуалью, прикрывающая глаза, но открывая при этом изящный носик. Очаровательная улыбка будто застыла на пухлых соблазнительных губах.

Но самым восхитительным, от чего невозможно было оторвать взгляд, был гарнитур – кольцо и серьги, свисающие почти до плеч, подчёркивая её «лебединую» шею.

Гарнитур был выполнен из белого золота, платины и драгоценных камней. В центре кольцо красовалась голова Клеопатры с короной, стилизованной под двух змей, поднявших головы, сплетённые между собой. Цепочку заменяли тонкие золотые фрагменты в виде веток, которые соединялись между собой кольцами с изумрудными подвесками в виде виноградных гроздьев. Золотые ветки были обвиты змеями, выполненными из прозрачных бриллиантов и сапфиров так искусно, что, при попадании на них света, казалось, что они извиваются.

Серьги также представляли собой гроздь винограда, обвитые змеями. Глаза Клеопатры и змей искрились изумрудами. Это зрелище просто завораживало.

Красавица то открывала, то закрывала веер. Казалось, она была чем-то обеспокоена. Но застывшая на губах улыбка и вуаль не позволяли окружающим проникнуть в её внутренний мир.

Через мгновение я увидела, как через всю залу к ней направляется красавец гусар. Он был высокого роста. Гордая осанка и орлиный нос выдавали породу. Большие голубые глаза диссонировали со слегка волнистыми тёмными волосами, выбивавшимися из-под высокого чёрного кивера. Маленькие усики, слегка закрученные кверху по тогдашней моде, обрамляли красивой формы верхнюю губу.

На нём был чёрный доломан, воротник, обшлага и спинка которого были расшиты золотым галуном в виде «гусарских узлов», а вокруг шнуров нашита бахрома. Через его левое плечо был перекинут ментик с позолоченными пуговицами в несколько рядов, подбитый каракулевым мехом. Вместо наплечных шнуров с гомбочками почему-то были эполеты. Это показалось мне неестественным.

Мой отец, будучи кадровым офицером, увлекался историей русской армии и флота, начиная с петровских времён. В детстве он часто рассказывал мне о прославленных героях, защитниках Отечества. Особенно полюбились рассказы о бравых гусарах.

Папа часто доставал большие фолианты с книжной полки, раскладывал их на письменном столе и, бережно переворачивая полупрозрачные листочки кальки, покрывающие цветные рисунки с изображением, как он выражался, «обмундирования» военнослужащих разных родов войск и времён, подробно рассказывал, как называется и для чего предназначается каждый элемент военной формы.

Честно говоря, мне это было не очень-то интересно, но, не желая обижать отца, я делала вид, что внимательно слушаю. И в памяти, помимо моей воли, кое-что осело. Например, я помнила, что гусары носили эполеты только с вицмундиром и никогда с парадной формой. Поэтому-то мне, наверное, и показалось странным, что гусар явился на бал не в парадном мундире, да ещё и с кивером на голове.

Мне показалось, что передо мной «чёрный» гусар из элитного полка, сформированного ещё во времена Екатерины Второй, впоследствии названный 5-ым Александрийским, хотя я не была в этом уверена.

Особенно прославились «чёрные» гусары в войне 1812 года с Наполеоном, русско-турецкой, 1878-1879-х годов, и во время Первой мировой войны. О них ходили легенды.

По четырём звёздочкам на эполетах я поняла, что гусар был в чине штабс-капитана.

Он подошёл к загадочной даме и, слегка наклонив голову, пригласил её на танец. Она согласилась, плавно положив руку на его левое плечо. Гусар, заложив правую руку за спину, а левой нежно поддерживая её за талию, закружил «изумрудную» красавицу в вальсе.

Присутствующие расступились, образовав пустое пространство в центре зала, в котором вальсировала удивительная пара под волшебные звуки музыки Иоганна Штрауса.

Мне казалось, что это именно я, а точнее моя душа, если можно назвать так стусок эмоций и чувств, отделившись от тела, кружится в вихре вальса.

Если бы все мои чувства и эмоции, испытываемые в тот момент, нужно было уместить в одно слово, то это слово было бы – ликование. Я ликовала!

Внезапно в мелодию неземной красоты ворвались чужеродные грубые звуки, нарушившие гармонию и красоту, окружающего меня мира. Они всё глубже проникали в моё сознание, вырывая из божественного вихря вальса. Это звонил будильник. Видение исчезло. Я не сразу осознала, что нахожусь в кабинете главврача.

Глава 4

Постижение азов хирургии

Посмотрев на часы, поняла, что до прихода Галины Семёновны осталось полчаса.

Лучи утреннего солнца пытались пробиться через зашторенные плотными занавесками окна.

Быстро запихав постельное бельё в диван, наскоро одевшись и умывшись, побежала проведать больного, на ходу пытаюсь заправить растрепанные волосы под медицинскую шапочку.

Илмар – так звали моего пациента – безмятежно спал. И когда я мерила ему давление и считала пульс, и даже когда щупала живот, он практически никак не реагировал. Оставшись довольной осмотром, я мысленно поблагодарила Бога и вернулась в кабинет.

Галина Семёновна уже восседала за своим письменным столом с папиросой в зубах. Я поздоровалась с ней. Она лишь слегка кивнула в ответ.

– Ну как наш больной? – спросила она без лишних предисловий.

– Живот мягкий. Язык влажный, обложенный. Пульс – 84 удара в минуту, давление – 120 на 70. По дренажам выделилось 200 мл мутного экссудата. Температура 37и 6. Повязка слегка промокла кровью. После обхода перевяжу, – отрапортовала я.

– Хорошо. Ты, наверное, ещё не завтракала? -поинтересовалась Галина Семёновна и, не дожидаясь ответа, протянула мне свёрток. – На вот, поешь. Здесь бутерброды с колбасой и сыром. Кофе заварить сама.

Я была ужасно смущена.

– Спасибо, Галина Семёновна! Но не стоило беспокоиться. Я не голодна.

– Ты много не разглагольствуй. А лучше поставь-ка чайник. Я тебе составлю компанию. У нас с тобой в распоряжении полчаса.

Когда вода в чайнике вскипела, я насыпала себе в чашку две ложки кофе, и спросила свою благодетельницу, что она предпочитает.

– Я предпочитаю сама себе заваривать чай.

Выйдя из-за стола, она подошла к тумбочке, сыпанула на глаз чай прямо из пачки в заварной чайничек, залила его кипятком и поставила на журнальный столик. Достала из тумбочки стеклянный стакан в подстаканнике и, усевшись в кресло, жестом пригласила меня к столу.

Накануне я практически ничего не ела, и бутерброды Галины Семёновны были как нельзя более кстати. Выложив их горкой на блюдечке, я устроилась во втором кресле, и мы приступили к трапезе. Бутерброды мне показались необычайно вкусными.

После завтрака Галина Семёновна собрала крошки и выбросила их за окно со словами: «Птицы склюют».

Нетрудно было догадаться, о чём она думала в этот момент.

– Ну что же, пора и честь знать, – произнесла шефиня, взглянув на настенные часы. – Скоро начнётся пятиминутка. Буду представлять тебя персоналу.

Я быстро убрала чашки и тарелку из-под бутербродов с журнального столика, помыла их под проточной, еле тёплой водой и вместе с другими атрибутами чае-кофе-пития спрятала в тумбочку.

В двери постучали.

– Войдите! – гаркнула Галина Семёновна, намеренно придавая голосу строгие нотки.

В дверях показался санитар Янис, тащивший один из стульев, стоящих в ряд в коридоре вдоль наружной стены кабинета главврача.

Только сейчас я разглядела его как следует. Он был высокого роста, я бы даже сказала, долговязым, блондинистым и голубоглазым. Вслед за ним появилась практически его копия, только немного ниже ростом, которая также тащила стул. «Двое из ларца, одинаковых с лица», – мелькнуло у меня в голове. Оказалось, что Янис и Петерис были двойняшками. Они оба учились в Рижском мединституте, а летом подрабатывали санитарями в больнице.

Когда в кабинете уже были поставлены с десятков стульев в направлении письменного стола Галины Семёновны, начал собираться народ. Кто-то уселся на стулья, кто-то на кресла и диван.

– Здравствуйтесь, товарищи!, – поздоровалась она с персоналом и, показывая рукой в мою сторону, произнесла, – Сначала я хотела бы представить вам нашего нового хирурга, Татьяну Павловну Илюшину.

Я, смутившись, привстала и слегка поклонилась.

– Прошу любить и жаловать, – произнесла шефиня, и принялась уже мне представлять своих сотрудников.

Штат больницы был небольшой: анестезиолог Николай Петрович и анестезистка Нина, которые ночью давали наркоз моему пациенту, но не были мною узнаны, поскольку были в масках, три терапевта – Зента Яновна, Ирина Николаевна и Марк Давыдович, педиатр Софья Исаевна, акушер-гинеколог Дайна Юрьевна, старшая сестра Вильгельмина, две акушерки, по две палатные и операционные медсестры, два хирурга, не считая меня, сама шефиня и Андрис Альфредович.

Завхоз Наум Борисович, сестра-хозяйка Аусма, с которой мы уже успели познакомиться, сторож дядя Вася, шофёр Гена, повариха тётя Нюра со своей дочерью Наташей, только что закончившей кулинарное училище, лаборанты и санитарки на пятиминутках, разумеется, не присутствовали. С ними я познакомилась уже в процессе работы, также как и с работниками «скорой помощи», которые, хоть и подчинялись главврачу, стояли от нас особняком.

Зато заявился и вальяжно развалился прямо в самом центре кабинета кот Бонифаций, с которым я удостоилась чести познакомиться ранее. На него никто даже не обратил внимания. По-видимому, он был здесь завсегдаем.

Закончив процедуру ознакомления меня с коллективом, а коллектива со мной, Галина Семёновна взглядом пробежалась по сидящим перед нею сотрудникам.

– И где же, позвольте узнать, нас дражайший Андрис Альфредович? – и, не дожидаясь ответа, задала следующий вопрос. – Опять на больничном?

Последовало гробовое молчание.

– Кто посмел выдать? – обратилась она к присутствующим.

– Галина Семёновна, у него было высокое давление – 220 на 120, практически гипертонический криз, – наконец, осмелилась произнести Ирина Николаевна.

– Водку нужно жрать меньше. Тогда и гипертонических кризов не будет. А вам, Ирина Николаевна, выговор за поощрение алкоголизма. Пока устный.

Как я узнала позднее, это была своеобразная игра. Андрис Альфредович когда-то был неплохим хирургом. Его жена, работавшая некоторое время в этой больнице анестезиологом, однажды уехав на курсы повышения квалификации в Ригу, назад не вернулась. Она встретила там мужчину, за которого впоследствии вышла замуж, оставив первому мужу малолет-

него ребёнка. Пока ребёнок был маленьким, Андрис Альфредович держался. А как только тот подрос и уехал учиться в Ригу, стал запивать.

Все, прекрасно зная эту историю, жалели его, в том числе и Галина Семёновна, тем более, что тому оставалось до пенсии всего два года. Но, как руководитель больницы, она обязана была порицать такое поведение сотрудников, что и делала, не доводя дело до конкретных действий.

Обозначив свою позицию в отношении Андриса Альфредовича, Галина Семёновна, водрузила на нос очки и, посмотрев на график дежурств, лежащий у неё на столе, произнесла:

– Зента Яновна, по моим данным вы вчера дежурили.

Та кивнула головой и встала.

– Докладывайте.

– За время дежурства за помощью обратились четырнадцать человек: девять, после оказания помощи отпущены на амбулаторное лечение, пятеро госпитализированы. Двое поступили в терапию: один с пневмонией и один с почечной коликой, которая была купирована медикаментозно; одна пациентка – в гинекологию с аднекситом; в детское отделение – шестилетний ребёнок с аденовирусной инфекцией; в хирургию – мужчина с перфоративным аппендицитом и диффузным перитонитом, ночью прооперирован.

И хотя Галина Семёновна прекрасно знала, что происходит в хирургии, таковы были правила – докладывать о всех поступивших пациентах со всеми подробностями.

– Из стационара за сутки выписаны четверо больных, – продолжала Зента Яновна. – Умерших не было. Осталось две свободные койки. Обе в хирургии.

Галина Семёновна удовлетворённо кивнула головой:

– Спасибо. Можете садиться.

Шефиня вновь склонилась над столом, изучая график дежурств:

– Тааак. Сегодня дежурит Николай Петрович.

– Так точно, – отрапортовал тот.

Николай Петрович был молодым человеком лет тридцати пяти, усатым и весёлым. Отслужив в армии после окончания Военно-медицинской академии три года в качестве военного врача, он случайно встретил в Ленинграде свою будущую жену, Илзу, латышку по национальности, влюбился и, женившись на ней, переехал в Латвию.

То ли шутя, то ли по привычке Николай Петрович всегда отвечал по-военному «так точно» или «слушаюсь».

– До 18.00 можете отдыхать. В хирургии сегодня две операции: грыжа и вены. Прооперируем под местной анестезией с операционной сестрой. А вам, Татьяна Павловна – в присутствии персонала она всегда называла меня по имени-отчеству – придётся пойти на приём в поликлинику.

Я была разочарована. Мне так хотелось оперировать или хотя бы ассистировать на операциях.

– Надеюсь, болезнь Андриса Альфредовича не затянется надолго, – как будто уловив мои мысли и взглянув на меня, продолжила она. – И тогда вы сможете принимать участие в операциях.

Шефиня прекрасно понимала, как у молодого хирурга «чешутся руки», когда речь заходит о практической деятельности.

Я сокрушённо кивнула головой.

– Так, вот ещё что, товарищи, следующую политинформацию проведу сама, а дальше – по графику. На этом сегодня всё, – подытожила Галина Семёновна.

До меня, наконец-то, дошло, для чего в кабинете главврача висела огромная карта мира. Присутствующие, поднявшись почти одновременно, брали каждый свой стул, чтобы поставить на прежнее место у наружной стены. Импровизированный конференц-зал вновь превратился в кабинет главврача.

Приём хирурга сегодня начинался с утра, и я обречённо поплелась в поликлинику, представляя скуку и рутину предстоящей работы.

Как я и предполагала, ничего интересного в этот день не произошло, если не считать пункцию плевральной полости у больного с гидротораксом. Прежде я этого никогда не делала. Конечно, я была рада, что к моему скудному хирургическому арсеналу прибавилась ещё одна манипуляция. Но мне хотелось оперировать. И поэтому я ненавидела Андриса Альфредовича, который лишал меня такой возможности.

Весь день, под влиянием ночного видения, меня преследовали неизвестно откуда приходившие на ум рифмованные строки, которые я еле успевала записывать в блокнотик, лежавший в кармане халата.

Когда, в конце рабочего дня, я открыла его, с удивлением обнаружила вполне завершённое стихотворение.

Прекрасный образ незнакомки
Возник как будто наяву,
И глас послышался негромкий,
Презревший светскую молву.

Гусар шептал ей молодой:
«Ждать более уж нету сил».
И тонкий стан обвив рукой,
Её он в вальсе закружил.

Желаний тайны скрыты под вуалью.
Лишь губы выдавали грусть.
Покрыты плечи тонкой шалью.
Взволнованно вздымалась грудь.

Сапфировые змеи извивались
Под ярким пламенем свечей.
И гроздь изумрудные качались,
Свисая с маленьких ушей.

Лавина чувств, сиянье глаз,
Накал желаний и страстей.
Под звуки музыки волшебной вальс
В мерцании оплавленных свечей.

Вдруг смолкла музыка, погасли свечи,
Мир погрузился в темноту.
Эпоха уходила в вечность,
С собою унося и шарм, и красоту,

Изыщество манер великосветских:
Bonjour, merci, mon ami, mon amour.
И блеск мундиров офицерских,
И скачки «три креста аллюр».

Не будет больше прежних нравов,
И этого не будет поколения,
Прекрасных дам, влюблённых в них гусаров.
Всё унесёт река забвения.

Прошло две недели. В понедельник на пятиминутке появился новый персонаж. Это был сторбленный человек в тёмных очках, закрывавших, по-видимому, фингал, но не скрывавших увесистых мешков лилового цвета, которые красноречиво свидетельствовали о его состоянии. Многодневная щетина с проблесками седины прикрывала впалые щёки. Из-под не первой свежести халата выглядывали мятые брюки неопределённого цвета и нечищенные ботинки. Галстук был сдвинут набекрень. Медицинская шапочка сидела таким же образом на всклокоченных, нечёсанных волосах.

– Андрис Альфредович! – с деланным удивлением и восторгом произнесла Галина Семёновна. – Какое сюрприз! Надеюсь, вы выздоровели, хотя бы на пару месяцев?

– Да, – произнёс тот, нисколько не смущаясь.

– Надеюсь, сегодня вы сможете принять участие в повседневной рутинной и, наверное, неинтересной вам, работе нашего коллектива?

Андрис Альфредович кивнул головой.

– Прекрасно! Вия уже соскучилась по вам.

Мужчина ещё раз безразлично кивнул головой.

А я, предвкушая участие в сложных операциях, была на седьмом небе от счастья. «Миленький Андрис Альфредович, пожалуйста, больше не пейте», – повторяла я про себя. – Я вас умоляю!»

В этот день я ассистировала Галине Семёновне на плановой холецистэктомии – операции по удалению желчного пузыря.

После обеда из приёмного покоя по «скорой» поступил пациент с прободной язвой желудка. И Галина Семёновна доверила мне его оперировать. Мой восторг трудно описать словами.

Андрис Альфредович вёл приём в поликлинике, ни на что не претендуя. Наверное, ему давно было всё безразлично, и единственное, что его заботило – дотянуть до пенсии. Я молила Бога, чтобы как можно дольше продлился период его отрезвления.

Наступила осень. Наши двойняшки-санитары уехали в Ригу грызть гранит науки. Стало совсем тяжело. Если на роль санитарки оперблока удалось уговорить дальнюю родственницу операционной сестры Ирены, то на роль санитаря приёмного покоя желающих не нашлось. Приходилось дежурному персоналу поднимать пациентов из приёмного покоя в отделения своими силами. Хорошо, что только на второй этаж.

Если до моего приезда всех хирургических пациентов вела сама Галина Семёновна, то теперь обе палаты она передала мне. Шефиня, наконец-то, могла вздохнуть с облегчением и заняться своими непосредственными обязанностями главврача в полном объёме, хотя хирургия была её смыслом жизни.

Она продолжала составлять графики плановых операций и принимать в них активное участие. Если раньше больных с осложнёнными язвами желудка и двенадцатиперстной кишки отправляли в район, так как Галина Семёновна не решалась брать такую ответственность на себя, оперируя их с операционной сестрой, то теперь почти всех мы оперировали на месте.

Конечно же, первое время я только ассистировала на операциях, набираясь бесценного опыта, но уже через полгода оперировать не слишком сложных пациентов шефиня доверяла мне самостоятельно.

Кроме участия в операциях, в мои обязанности входил обход больных, перевязки, различные манипуляции, коррекция лечения, записи в историях болезней, выписка и приём новых пациентов. В общем, работы хватало.

Уже поздним вечером, закончив основную работу, направлялась в библиотеку, расположенную на третьем этаже, рядом с кабинетом шефини и представлявшую собой небольшое помещение с несколькими стеллажами до потолка, наполненными различными книгами, в том числе беллетристикой, газетами и журналами.

Книги были аккуратно поставлены в алфавитном порядке и по темам, например: наука, медицина, искусство и т. д., что меня всегда удивляло.

Оказывается, несколько лет назад Галина Семёновна спасла жизнь одной женщине, бывшей по образованию библиотекарем и случайно оказавшейся в этих краях. В благодарность, после выписки, она специально задержалась на несколько дней, чтобы привести нашу библиотеку в порядок.

Библиотекарша составила также каталог с названием и расположением всех книг, имевшихся на тот момент в библиотеке, который лежал сейчас на журнальном столике, привлекая внимание красивой кожаной обложкой с латышскими национальными мотивами.

Рядом со столиком стояло уютное мягкое кресло, в которое я с удовольствием усаживалась, предвкушая приятные минуты, а иногда и часы погружения в неизведанный мною мир.

На стене висело объявление: «Уважаемые коллеги, просьба соблюдать порядок и ставить прочитанные книги на место согласно каталогу».

Окно, у которого стоял столик, так же как и в кабинете главврача, было обращено в сторону Даугавы. Оно было занавешено лёгким тюлем, а по бокам висели льняные занавески. Так что через него я могла наблюдать всю палитру красок сменявшихся друг за другом времён года. Это было чудесное времяпрепровождение.

Однако я не позволяла себе взять ни одной художественной книжки, не посвятив самообразованию, как минимум, два часа. У меня была установка – проштудировать всю имеющуюся литературу по каждой нозологической единице хирургических заболеваний.

Закончив чтение и конспектирование одной темы, переходила к другой. И только потом могла позволить себе почитать что-то для души или помечтать, наблюдая за удивительными метаморфозами природы, происходящими за окном.

Так, за время работы в этой небольшой уютной и милой сердцу больничке я исписала убористым почерком три толстые тетради. И это не было напрасным трудом.

Галина Семёновна, уходя, всегда нарочито громко хлопала дверью, давая мне понять, что кабинет свободен. Но часто я допоздна засиживалась в библиотеке и уходила в кабинет главврача только, чтобы переночевать. Однажды и вовсе заснула в кресле.

Шефиня, не обнаружив утром следов моего пребывания на положенном месте, подумала, что я оперирую больного, не поставив её в известность, а может быть и ещё что-нибудь похуже. Чуть не разразился скандал. Но, когда она увидела меня с заспаным лицом, всклокоченными волосами и испуганным видом, выходящей из библиотеки, не смогла удержаться от смеха.

– Ну что, Танюша, тяжело грызётся гранит науки? Или бульварным романчиком зачиталась?

– Книжка интересная попалась по философии, – ответила я смущённо.

– Настолько интересная, что усыпила тебя в кресле? Ты мне её порекомендуй, а то бессонница замучила, – произнесла она с улыбкой и, не дав мне ответить, продолжила. – Беги, побыстрее приводи себя в порядок. Будем чаёвничать. А я пока чайник поставлю. У меня есть вкуснейшее печенье.

В этот день после пятиминутки должна была состояться политинформация. Поскольку санитаров-двойняшек не было, каждый входящий сам вносил свой стул из коридора. На этот раз стулья почему-то расставлялись спинками по отношению к столу главврача, а Галина Семёновна сидела не за своим столом, а на стуле у наружной стены напротив присутствующих.

Дежурный врач сдал дежурство. Слово взяла главврач:

– Уважаемые коллеги, как вы знаете, за текущий период произошли важные события в нашей стране и за рубежом. 9 сентября умер один из главных противников Советского Союза, Мао Цзэдун, который вёл с нами на протяжении многих лет идеологическую борьбу. Благодаря его враждебной политике нашему государству пришлось создавать усиленную группировку войск на востоке страны.

Как вам известно, в марте этого года китайские воинские подразделения вторглись на остров Даманский, предприняв попытку его захвата, – при этом шефиня встала, ткнув указкой в карту, где было отмечено место расположения острова.

«Прямо как на уроке географии», – подумала я.

А она продолжила с явными нотками патриотизма и гордости за свою страну:

– Однако силами пограничников и военнослужащих Дальневосточного военного округа они были выбиты с острова.

При поддержке западной военщины агентами правительства Чили в Вашингтоне был убит бывший министр обороны, Орландо Летерьер.

А теперь о приятном. В Советском Союзе осуществлён очередной запуск космического корабля, Союз 22, пилотируемого командиром корабля Валерием Фёдоровичем Быковским и борт-инженером Владимиром Викторовичем Аксёновым. Корабль благополучно приземлился 23 сентября.

Присутствующие заплотировали.

– В заключении немного вас развлеку. 26 сентября мумию египетского фараона Рамзеса Второго доставили во Францию. В аэропорту Ле Бурже ему оказывали такие же почести, как будто к ним прилетел действующий глава иностранного государства.

Раздался смех.

– На этом политинформация закончена. В следующий раз обзор событий за месяц проведёт Андрис Альфредович, – произнесла шефиня, изучая список.

Я вздохнула с облегчением: «Слава Богу, не я».

В то время мне казалось, что всё в мире настолько стабильно, особенно в моей стране, что и говорить-то не о чем. Пятилетки выполнялись, корабли в космос запускались, на ВДНХ демонстрировались выдающиеся достижения народного хозяйства; в спорте – первые или одни из первых, первый космонавт – наш, первая женщина-космонавт – наша, бесплатное здравоохранение и образование, всевозможные бесплатные кружки для детей, бесплатные путёвки в санаторий и различные поездки по стране, занимающей одну пятую часть суши, одно из лучших, а может быть, и лучшее в мире образование, самая читающая страна в мире, страна, победившая Наполеона и Гитлера, освободившая Европу от фашизма. Да всего и не перечислить.

«Как мне повезло, что я родилась в Советском Союзе, который никакие враждебные силы никогда не смогут одолеть», – думала я.

Постепенно Андрис Альфредович стал приобретать человеческий облик. Однажды он заявился на конференцию без очков с затемнёнными стёклами, в чистой белой рубашке и выглаженных брюках со стрелочками. Щетина была гладко выбрита, а мешки под глазами заметно уменьшились. Серо-голубые глаза в обрамлении длинных густых ресниц, прямой нос, красивой формы тонкие губы и тёмно-русые волосы с проседью свидетельствовали о том, что когда-то он был довольно привлекательным мужчиной.

Поговаривали, что у него роман с Вией. Я была рада этому обстоятельству и лелеяла надежды, что это продлится долго.

В редкие выходные и праздничные дни мне удавалось вырваться в Ригу, повидаться со своими родными.

Машутка училась в девятом классе, и через год планировала поступать в один из театральных вузов Москвы, старалась не пропускать ни одного спектакля ТЮЗа, тем более, что была влюблена в одного из актёров.

Наступил ноябрь. Андрис Альфредович неожиданно снова ушёл в запой. Я была в шоке. Мало того, что опять вынуждена была вести приём в поликлинике, так ещё и ответственной за политинформацию, которую он должен был готовить за октябрь, шефиня назначила меня.

Галина Семёновна лично приносила свежие газеты в библиотеку и, проколов их дыроколом, складывала по порядку в специальные папки с обозначением года выпуска на лицевой стороне.

«Вот, изучай!» - сказала она мне, показывая на свежую подшивку, за неделю до запланированной политинформации.

Мне пришлось прочитать, а точнее просмотреть почти все газеты за месяц, делая пометки в тетради. Для меня это было чуть ли ни подвигом, так как до этого я практически не читала газет, находя это занятие скучным и никчёмным.

Накануне ожидаемого события с моим участием я почти не спала, продумывая каждое слово своего доклада и представляя, как опозорюсь на глазах у всего персонала больницы. Но утро следующего дня наступило, вопреки моим желаниям, как обычно.

Я не слушала доклад дежурного врача, и едва не пропустила фразу, произнесённую шефиной и касавшуюся меня:

– А сейчас Татьяна Павловна доложит нам о текущих событиях в мире за последний месяц. Пожалуйста, Татьяна Павловна.

Я встала. На трясущихся ногах прошла вперёд и начала проведение политинформации, подражая Галине Семёновне и периодически заглядывая в свои записи.

– Уважаемые коллеги, за истёкший месяц произошли следующие внешнеполитические события: 6 октября была отстранена от власти левая группировка во главе с женой Мао Цзэдуна, Цзян Цин, которая сыграла немаловажную роль в Культурной революции в Китае и была причислена к «банде чёрных».

7 октября Хуа Гофэн был назначен председателем ЦК Компартии Китая.

Террористы взорвали кубинский самолёт.

В Таиланде произошёл госпереворот.

В результате крупнейшей катастрофы в Барбадосе погибло 73 человека.

29 октября произошла реорганизация руководства Германской демократической республики. Глава СЕПГ занял пост главы государства.

Из событий в нашей стране, – продолжила я чуть дрожащим голосом, – примечательно то, что 14 октября был осуществлён очередной запуск космической ракеты Союз 23. В составе экипажа находился бортинженер Валерий Ильич Рождественский и командир корабля Вячеслав Дмитриевич Зудов. Корабль успешно приземлился после выполнения задания 16 октября.

8 октября в честь строителей Байкало-Амурской магистрали в нашей стране была учреждена медаль, – подытожила я, с облегчением выдохнув.

– Спасибо, Татьяна Павловна, за прекрасный доклад, – поблагодарила меня Галина Семёновна. – А сейчас, товарищи, за работу.

Глава 5

Встреча Нового года в зональной больнице. Конец зимы

К Новому году Андрис Альфредович, наконец-то, оклемался, избавив меня от обязанности вести приём в поликлинике. Количество плановых операций значительно уменьшилось. Все готовились к празднику.

В фойе больницы, если так можно назвать небольшое пространство между поликлиникой и «скорой помощью», была установлена большая ёлка. Каждый из местных сотрудников пригласил по несколько ёлочных игрушек из дома. И у сестры-хозяйки нашлась большая коробка с ёлочными игрушками и гирляндами с прошлых лет. Ёлка получилась на удивление нарядной.

Перед ней впритык были сдвинуты два длинных стола, покрытых лигнином, а по периметру расставлены стулья.

Сотрудники больницы заранее распределили между собой, кто какую корзинку с закусками принесёт. Хотя спиртное обычно готовилось из медицинского спирта, разбавленного соком, для такого случая без шампанского было не обойтись. И по традиции эта статья расходов лежала на мужской части персонала.

Большое окно было украшено причудливой формы бумажными снежинками, а с потолка свисали самодельные фонарики из разноцветной бумаги.

К девяти часам вечера начал собираться народ. Стол был завален всякими яствами. Постаралась и наша повариха тётя Нюра с Наташей. Они испекли огромный торт, украшенный ягодами и фруктами, ещё с осени замороженными в морозильнике.

Справа от стола был установлен телевизор, а на нём – кассетный магнитофон «Весна».

Шофёр Геннадий пришёл с баяном. Оказывается, он неплохо играл.

Галина Семёновна произнесла краткую речь о наших достижениях и неудачах в уходящем году и пожелала в новом году множить достижения и бороться с недостатками.

Каждый положил под ёлочку подарок между кусками ваты, имитирующей снег.

Началось застолье. Сначала Гена заиграл на баяне, исполняя ритмичные мелодии. Публика, подогретая алкоголем, пустилась в пляс. Кто-то включил магнитофон. Зазвучали песни Эдуарда Хилия, Анны Герман, Леонида Утёсова, Людмилы Зыкиной, Олега Онуфриева, Муслима Магомаева, Эдиты Пьехи и многих других всенародных любимцев.

Марк Давыдович нарядился Снегурочкой, а Ирена – Дедом Морозом, что вызвало взрыв смеха при их неожиданном появлении в таком виде в разгар праздника.

Халаты были переделаны из обычных медицинских. Ирене, мастерице на все руки, помогала жена нашего терапевта, Майга. На полы халатов они наложили скрученную жгутом и обсыпанную блёстками вату, которую пришили серебряной нитью. Для придания халатам объёмности были сшиты их копии из списанных байковых одеял и вставлены внутрь. Воротники связали из белой шерсти специальной «петлевой» техникой, придающей изделию пышность, и нашили сверху. На халаты были наклеены разнообразной формы снежинки, вырезанные из зелёной и тёмно-бордовой блестящей бумаги. Медицинские шапочки и кушаки покрасили красными чернилами. На шапочки нашили белые вязаные накладки. На ногах были настоящие валенки.

Ирена нацепила ватные усы и бороду, закреплённые резинками. А Марк Давыдович кокетливо прикрыл лицо марлевой вуалью, прикреплённой к шапочке. Так что мы их не сразу узнали.

Процесс подготовки держался в большом секрете. Об этом не знала даже Галина Семёновна. Поэтому готовящийся для всех сюрприз удался на славу. Огромная Снегурочка, которая была на голову выше Деда Мороза, тащила мешок с подарками, в котором находились традиционные мандарины, конфеты и различные поделки из дерева и шерсти, сделанные своими руками, а маленький Дед Мороз давал ей указания. Это было настолько комично, что некоторые из присутствующих складывались пополам от смеха.

Подвыпив, Дед Мороз и Снегурочка вошли в раж. Оказывается, они написали целый сценарий и веселили всех аж до самой кульминации праздника.

К двенадцати часам мужчины притащили коробку с шампанским, охлажденным за наружной дверью. Включили телевизор. Куранты пробили двенадцать раз. На ёлке зажглись огоньки. Пробки полетели вверх под крики «Ура!» В бокалах зашипело шампанское. Все стали чокаться и поздравлять друг друга. Галина Семёновна пригласила всех к ёлке разбирать подарки.

Мне достался симпатичный плюшевый мишка с красным бантом, а из мешка Деда Мороза – деревянная красная змейка, так как наступал Год Красной Огненной Змеи по китайскому календарю.

По телевизору, как обычно, транслировали «Голубой огонёк».

Дежурным сотрудникам, под бдительным оком главврача, разрешалось лишь пригубить шампанское.

Через пару часов публика начала расходиться. До утра остались лишь самые стойкие.

На празднование Нового года Ирина Николаевна пришла со своим женихом, Кириллом, работавшим инженером на ГЭС, находящейся в 40 км от нас. Она была старше меня на несколько лет. Мы быстро сдружились и обращались друг к другу на «ты».

Кирилл оказался очень интересным собеседником. Он был из профессорской семьи, учился в Ленинграде, а в Латвию попал по распределению.

Втроём мы проболтали до утра. Разошлись, когда дежурная персонал сдавал дежурство новой смене. Поскольку был вызов в сторону районного города, где жил Кирилл, водитель «скорой» Ивар, заступивший на дежурство, довёз его до самого дома.

Кирилл проживал в «хрущёвке» в однокомнатной квартире, выделенной ему, как молодому специалисту, администрацией района.

Мы с Ириной поднялись наверх и разошлись по своим комнатам, точнее она в свою, находившуюся слева от библиотеки, а я – в кабинет начальства.

Едва коснувшись подушки, моментально заснула. Проспала почти до вечера. Хорошо, что не поступил ни один хирургический пациент, требующий неотложной операции.

Через пару дней после новогодних праздников, после окончания работы в отделении, я, как обычно, направилась в библиотеку. В помещении было очень тепло и уютно.

Мой взгляд упал на настольную лампу с бежевым шёлковым абажуром и коричневой бахромой, стоявшую на журнальном столике. На кресле лежал вчетверо сложенный шерстяной клетчатый плед.

Тусклая лампочка, свисавшая с потолка, конечно, не могла обеспечить нормального освещения. А тут такая роскошь! Я нажала на кнопку на ножке лампы. Загорелся свет, который, пробиваясь через полупрозрачный шёлк мягкими рассеянными лучиками, создавал прекрасное локальное освещение и необычайный уют, дополняемый шерстяным пледом.

Конечно, я догадалась чьих это рук дело. Только Галина Семёновна могла так трогательно заботиться о своих подчинённых, которых считала своей семьёй, хотя и тщательно это скрывала. Она прекрасно понимала, что, закончив работу в отделении, я должна была где-то про-

водить время до момента её ухода из кабинета, и делала всё возможное, чтобы я чувствовала себя комфортно.

Если в хорошую погоду можно было погулять по окрестностям городка, посетить местный базарчик, выпить чашечку кофе с пирожным в кафе или даже съездить рейсовым автобусом в районный город, где было гораздо больше развлечений, то в непогоду, особенно зимой, никуда выбираться особого желания не было.

В начале января Даугава замёрзла. На льду, особенно в выходные дни, начали появляться рыбаки в тёплых тулупах. Они высверливали лунки во льду и с удочками часами сидели на принесённых складных стульчиках в ожидании улова.

Бонифаций или просто Бани, как его все звали, не упускал таких моментов. Он отирался то у одного, то у другого рыбака. На фоне белого снега, покрывавшего лёд, чёрный кот был виден как на ладони из окна библиотеки. Почти вся мелкая рыбёшка доставалась ему.

В марте засветила солнышко. Снег начал таять, на Даугаве начался ледоход. Было любопытно наблюдать, как с треском и гулом вскрывается река, треснувший лёд кусками разной формы и величины наскакивает друг на друга, и вода, освободившаяся от оков льда, начинает пробиваться наружу. В этом неистовстве одной и той же стихии, но в разных ипостасях – жидкой и твёрдой, было что-то мистическое. «Наглядная иллюстрация умозаключения Гегеля о единстве и борьбе противоположностей, – думала я. – Какая невероятная природная сила могла сотворить такое чудо!»

Солнце с каждым днём светило всё ярче. День заметно прибавился. Вскоре Даугава полностью освободилась ото льда.

В апреле Кирилл сделал предложение Ирине, а в начале мая они сыграли свадьбу.

Стояли чудесные тёплые дни. Цвела черёмуха и моя любимая сирень, аромат которой распространялся повсюду.

Ирина, отработав положенный месяц после подачи заявления об уходе, переехала к мужу и устроилась на работу в качестве терапевта в районную больницу.

Глава 6

Новоселье

Мне было с одной стороны грустно от того, что лишилась подруги, но с другой стороны, комната Ирины переходила в моё распоряжение, что не могло меня не радовать. Мы очень тепло распрощались и даже пустили слезу, хотя нас разделяли всего каких-то 40 километров.

На следующий день после отъезда Ирины сестра хозяйка передала мне ключи от её комнаты, которая была примерно таких же размеров, как и кабинет главврача. Из казённой мебели остался диван, письменный стол, два стула, тумбочка и небольшой платяной шкаф. Я была счастлива.

Помыв окно и пол, протёрла шкаф изнутри и постепенно начала переносить из кабинета Галины Семёновны свои вещи, которых скопилось не так уж мало, поскольку каждый раз, возвращаясь из Риги, я привозила с собой одежду соответственно сезону и кое-какие книги. Тем не менее, переселение не заняло много времени, так как оба помещения разделяла только библиотека.

Закончив с «переездом», я села на один из стульев, достала блокнот и ручку и стала думать, как мне обустроить комнату, записывая по пунктам, что нужно купить.

Поскольку расходов у меня было мало, за время работы я скопила некоторую сумму и сейчас могла себе позволить потратить её на необходимые мне вещи.

«Так. Стены нужно обклеить обоями, – рассуждала я. – Уж больно неприглядно они выглядят». Посчитав на глаз сколько мне понадобится рулонов, записала в блокноте: 1) 8 рулонов обоев (один про запас), 2) обойный клей.

Затем, пообедав комнату взглядом и немного подумав, добавила: 3) кресло, 4) торшер, 5) покрывало на кресло и диван с тремя декоративными подушками, 6) полочка для книг, 7) скатерть на стол. «Уж больно он обшарпан. Да, нужно ещё что-то из посуды. Хотя бы пару чашек с блюдцами и пару чайных ложечек. Чуть не забыла про электрическую плитку и чайник, – продолжала я рассуждать, тщательно записывая в блокнот. – Хотя воду можно вскипятить в кабинете шефини».

Посмотрев на окно с одной лишь тюлевой занавеской, подумала: «Неплохо бы купить материал на плотные шторы. Попрошу у Ирены швейную машинку и сама сошью».

Вписывая эту статью расходов, пришлось вычеркнуть чайник и электроплитку. Набежала солидная сумма. Я пересчитала свои накопления и прикинула в уме, что должно хватить.

Когда подходила к окну, подо мной скрипнула половица. Дощатый пол разошёлся, и краска облупилась. «Ну этой статьи расходов я точно не выдержу, – пронеслось в голове. – Если только на небольшой домотканый коврик».

Список был составлен. Оставалось только реализовать проект.

На следующее утро я заявила на пятиминутку на 15 минут раньше, чтобы отблагодарить Галину Семёновну за всё, что она для меня делала, купив накануне в местном магазине заварной чайничек из прозрачного стекла с ситечком внутри и чай в большой металлической коробке.

Шефиня уже была на месте с неизменной папиросой в зубах. Я поздоровалась. Кивнув мне в ответ, она спросила:

– Ну, как спалось на новом месте?

– Отлично! Галина Семёновна, это – вам! – произнесла я, протягивая подарок.

– В честь чего это? – она изумлённо подняла брови вверх.

– Просто в знак благодарности. Вы столько для меня сделали!

– Ничего я такого не делала, – пожав плечами, произнесла шефиня, делая вид, что не понимает о чём идёт речь.

Я не знала, как себя вести. Возникла неловкая пауза. Положение спасла сама Галина Семёновна.

– Ну ладно, давай свой подарок. А то до вечера будем тут расшаркиваться друг перед другом. Спасибо! – с этими словами она наклонилась, что-то доставая из своей сумки. – На вот, возьми. Это тебе на новоселье.

При этих словах шефиня выставила на стол передо мной маленький чайный сервизик на четыре персоны, красиво упакованный в прозрачную плёнку, завязанную розовым бантиком в тон рисунка на чашках.

Я зарделась от смущения.

– Большое спасибо!

– Пользуйся на здоровье.

– Галина Семёновна, не могли бы вы мне разрешить съездить с водителем в район, когда подвернётся удобный случай? – набравшись смелости, спросила я, зная, что один из шоферов «скорой помощи» один-два раза в неделю ездит в районную больницу с различными поручениями: забрать заказанные препараты крови, вакцину, медикаменты или привезти нужного консультанта. – Я хотела бы сделать кое-какие покупки.

– Отчего же? – сказала она, посмотрев в график, лежавший под оргстеклом. – Завтра Ивар едет после обеда. С ним и поезжай. Что, хочешь навести марафет в новом жилище?

Я кивнула головой.

– Одобряю. До пятиминутки осталось пять минут, – взглянув на часы, констатировала Галина Семёновна. – Беги, положи сервиз у себя в комнате и возвращайся.

Открыв тумбочку, чтобы поставить на полочку сервиз, который оказался весьма кстати, я увидела красивую керамическую вазу для цветов, а под ней записку: «С новосельем!» Это был сюрприз от Ирины.

«Как же мне будет тебя не хватать, подруга», – подумала я, растроганная этим милым подарком, и чуть ли ни со слезами на глазах направилась на пятиминутку.

Когда вечером, после работы, поднялась на третий этаж, у своей двери увидела кресло, обитое гобеленом, хотя и не новое, но в очень приличном состоянии.

Оказывается, по просьбе Галины Семёновны, наш завхоз «откопал» его где-то на складе и принёс мне. Это я узнала от самого Наума Борисовича.

Итак, у меня отпали сразу две статьи расходов. Обрадовавшись такому повороту дела и мысленно благодаря Галину Семёновну и нашего завхоза, втащила кресло внутрь и приставила его к дивану. Обивка, хоть и отличалась по рисунку, но была почти идентична по цвету, причём моему любимому, коричнево-бежевому.

На следующий день, после обеда, мы с Иваром поехали в районную больницу. Пока он выполнял данные ему поручения, я успела сбежать в терапевтическое отделение повидаться с Ириной, чтобы поблагодарить её за подарок и перекинуться парой слов.

Обрадовавшись, она пригласила меня в ординаторскую на чашечку кофе. Но, за неимением времени, пришлось отказаться. Мы условились встретиться в ближайшие выходные, которые у нас совпадут.

В машине меня уже ждал Ивар. Он объехал со мной почти все промтоварные магазины города, которого я совсем не знала, в поисках необходимых мне вещей, помог определиться с выбором и донести покупки до машины.

Я купила почти всё, что намечала, и даже кисточку для обойного клея, которой не было в моём списке.

Осталось ещё 112 рублей. К тому же, в магазине меня проинструктировали как правильно клеить обои, которыми я была особенно довольна. Они были персикового цвета, с набивным рисунком. Покрывала песочно-бежево-коричневых тонов в национальном стиле и такие же декоративные подушки тоже порадовали. Они идеально подходили к обоям, не говоря уже о скатерти, которая почти не отличалась от них по цвету.

Торшер с бежевым шёлковым абажуром как нельзя лучше сочетался с покрывалами. Он был в комплекте с маленьким круглым столиком, крепившимся к его ножке, на который можно было поставить чашку или положить книгу.

Возвратившись домой, я с энтузиазмом взялась за обновление своего жилища. Содрав со стен старые обои, начала наклеивать новые, учитывая советы, данные мне в хозяйственном магазине.

К двенадцати часам ночи работа была закончена. Конечно, были и неровности, и несостыковки, и пузырьки воздуха под обоями.. Но в целом я была довольна результатом, тем более, что делала это впервые.

Комната преобразилась до неузнаваемости. Персиковый цвет давал ощущение пространства и света, как будто напитанного солнечной энергией, аккумулированной в сочных плодах рисунка и теперь брызжущей наружу вместе с соком.

Мягкий свет от торшера, образующий небольшой круг на полу и освещавший столик, в вечернее и ночное время становился центром Вселенной. Мне представлялась театральная сцена, когда одни декорации затенялись, а другие искусственно высвечивались, чтобы обратить внимание публики на главное, уводя от второстепенного.

Мою же маленькую комнатку освещали и затемняли не театральные софиты, а божественные силы природы – Солнце и Луна, с помощью игры света и тени.

Восходящее солнце высвечивало светонесущие обои, давая ощущение пространства, которое суживалось до небольшого кружка света на полу, когда солнце садилось и во владения вступала Луна, выводя на авансцену искусственный свет от торшера.

Это было божественно! Не знаю, сколько времени я просидела в оцепенении на кресле, покрытом новым покрывалом, думая о величии Создателя и созданного им мира, пока не заснула.

В комнату вошла женщина в длинном платье до пола, расширяющемся от талии и слегка покачивающемся при каждом её шаге. «Наверное, за счёт кринолина», – подумала я.

Она подошла к столу, положила руки, затянутые в чёрные ажурные перчатки, на спинку стула, и, развернув его в мою сторону, села напротив. Её лицо, закрытое вуалью, было слабо освещено светом от торшера, который, заснув, я так и не выключила.

«Ну здравствуй, правнучка!» – явственно я услышала голос, от которого проснулась. Видение исчезло. Что-то знакомое было в этой даме. Я вспомнила сон, приснившийся мне в детстве перед операцией и подумала: «Это- она».

Будучи под впечатлением видения и необъяснимого смутного чувства таинства, с которым мне довелось соприкоснуться сегодня ночью, долго не могла заснуть.

Через пару недель мне удалось найти подходящую ткань для штор. Позаимствовав у Ирины швейную машинку, я сшила элегантные, как мне казалось, шторы. Остатков ткани хватило и для чехлов на стулья.

Аусма подарила мне роскошный горшок с цветущей Колерией в виде свисающих ярко красных колокольчиков, покрытых нежными ворсинками и обрамлённых белыми лепестками в крапинку, который я поставила на подоконник.

Купив на местном базарчике пару горшков с Альпийскими фиалками разных цветов, я присовокупила их к Колерии. Получилась весьма симпатичная композиция.

Если в начале своей карьеры мне приходилось ютиться в кабинете главврача, то теперь в моём распоряжении, по сути, были две комнаты. Библиотеку редко кто посещал, да и то только днём.

Галина Семёновна продолжала приносить туда свежие номера газет «Правда» и «Труд», а также журналы: «Огонёк», «Юность», «Вокруг света», «Знание-сила», «Здоровье» и «Хирургия имени Н. И. Пирогова». Их скопилось такое количество, что пришлось встраивать дополнительный стеллаж с выдвигаемыми ящиками для газет.

По правде говоря, газет я по-прежнему не читала, если только не нужно было готовиться к очередной политинформации, тем более, что Галина Семёновна продолжала ревностно заботиться о политическом просвещении своих подчинённых. Зато журналы старалась хотя бы пролистать, задерживаясь на интересных статьях.

Особенно любила «Огонёк», поскольку в нём публиковались репродукции картин известных художников. «Хирургию» читала практически от корки до корки, а кое-что и конспектировала.

Жизнь представляла собой вереницу однообразных будней. Главными моими развлечениями той поры были посещения библиотеки да редкие вылазки в район, где я могла встретиться с Ириной за чашечкой кофе, и ещё более редкие – домой, в Ригу.

Так прошёл ещё почти год.

Глава 7

Учения по Гражданской обороне

Где-то в середине мая было запланировано проведение учений по Гражданской обороне. Ответственным был назначен Николай Петрович, как бывший военврач.

Хотя с утра моросил дождик, к полудню распогодилось. Из-за небольших туч выглянуло солнышко, подняв настроение всем участникам мероприятия. Птичье многоголосье ласкало слух.

Мы выехали всем персоналом, за исключением дежурных, в какое-то поле близлежащего населённого пункта. Оно сплошь было усеяно одуванчиками, из-за жёлтых головок которых почти не было видно сочной зелёной травки. Среди этой красоты нам предстояло развернуть военно-полевой госпиталь.

Я вдруг представила это поле, изуродованное воронками от разорвавшихся снарядов и изрытое траншеями, а вместо птичьего гомона – звуки летящих вражеских самолётов, несущих смерть и разрушения или, что ещё хуже, повисший в этом голубом чистом небе «гриб» от взорванной атомной бомбы. Мне стало не по себе.

«Как хорошо, что мы собрались здесь только для того, чтобы провести учения, а не испытать все ужасы страшной войны, закончившейся не так давно и коснувшейся в той или иной степени всех без исключения людей, собравшихся здесь в этот день», – думала я.

Роль пострадавших от оружия массового поражения и санитаров, оказывающих им помощь, играли сотрудники предприятий, которым было предписано явиться в надлежащее время в конкретное место, и старшеклассники, которые воспринимали это мероприятие не вполне серьёзно, всё время смеялись, отпуская шуточки в отношении друг друга.

Учения проводились в субботу. Мне следовало развернуть медсанчасть по оказанию помощи пострадавшим от радиации в результате взрыва атомной бомбы.

В помощь были выделены два водителя «скорой помощи», которые должны были установить брезентовую палатку, и несколько старшеклассников, которых я должна была проинструктировать в отношении оказания первой медицинской помощи пострадавшим от данного вида поражения.

В мои обязанности входил не только контроль за правильностью выполнения действий при изолированном радиационном поражении, но и при комбинированных травмах, сопровождающихся механическими повреждениями.

– Кто вас учил так фиксировать конечность? – обратилась я к хрупкой девушке с длинным хвостом белокурых волос, пытавшейся наложить шину условно поражённому с переломом голени, фиксирующую только один сустав.

– А нас не учили этому, – ответила та.

– Разве у вас в школе нет занятий по Гражданской обороне?

Есть. Но Кузьма Кузьмич учил нас оказывать помощь только при радиационном и химическом поражении и автомат Калашникова разбирать и собирать.

Преподавателем Гражданской обороны оказался довольно пожилой, но подтянутый мужчина, с военной выправкой, подполковник в отставке, служивший когда-то в Химических войсках.

– Кузьма Кузьмич, – обратилась я к нему. – Почему ваши подопечные не умеют оказывать первую медицинскую помощь?

– Как же не умеют, голубушка? Да они у меня на зубок знают каждый этап, как «Отче наш». Ночью разбуди, расскажут без запинки. Если не верите, можете хоть сейчас проверить, – ответил он, поманив пальцем одного из старшеклассников, обсуждавшего что-то со своим сверстниками в сторонке. – Серёжа, поди ка сюда!

– Слушаюсь! – ответил тот, подбегая к нам, по-военному приставив правую руку к воображаемой фуражке.

– А ну, Серёжа, расскажи, как оказывать первую медицинскую помощь при воздействии оружия массового поражения?

– При воздействии химического вещества необходимо надеть на пострадавшего противогаз, ввести антидот из индивидуальной аптечки, произвести частичную специальную обработку кожи с помощью индивидуального противохимического пакета; при необходимости – произвести искусственное дыхание и эвакуировать в ближайший медпункт.

При радиационном поражении, для защиты органов дыхания и глаз – надеть противогаз, при его отсутствии – ватно-марлевую маску; для защиты кожи-наглухо застегнуть одежду; для ослабления действия проникающей радиации-использовать специальный радиопротектор, находящийся в индивидуальной аптечке; после вывода пострадавшего из опасной зоны, обработать его водой со сменой одежды и обязательным дозиметрическим контролем, – отчеканил тот без запинки, на одном дыхании.

– Я же вам говорил, – удовлетворённо произнёс Кузьма Кузьмич. – А вы не верили.

– А что ты должен делать в случае комбинированной травмы? Кроме радиационного поражения, у пострадавшего, к примеру, перелом костей голени, – обратилась я к его подопечному.

– Наложить шину.

– Можешь показать, как ты это будешь делать? – спросила я его, заводя в палатку, где на носилках уже лежал условно пострадавший.

Серёжа сделал ту же ошибку, что и его одноклассница.

– А если у пострадавшего пневмоторакс? – не отставала я.

Тот лишь пожал плечами.

– Что и требовалось доказать, – произнесла я, повернувшись к Кузьме Кузьмичу, стоявшему сзади.

– Серёжа, можешь быть свободен, – обратился преподаватель к своему ученику, огорчённо почёсывая затылок.

– Есть! – ответил тот и строевым шагом направился к своим товарищам.

– Видите ли, – сказал смущённо Кузьма Кузьмич. – Не знаю как вас по имени-отчеству...

– Татьяна Павловна, – подсказала я.

– Видите ли, Татьяна Павловна, я ведь человек военный, служил в Химических войсках. Тонкостей медицины не знаю.

– Я понимаю. Это, конечно, не ваша вина. Думаю, вашему директору нужно было позаботиться о том, чтобы найти преподавателя по основам оказания первой медицинской помощи. Тем более, что больница находится рядом.

– Вы, конечно, правы. Я обязательно поговорю с ним об этом, – пообещал Кузьма Кузьмич, направляясь к палатке, развёрнутой под руководством Марка Давыдовича для оказания помощи поражённым химическим оружием.

«Там он, наверняка, будет чувствовать себя как рыба в воде», – подумала я.

В этот день отработывалась тактика оказания помощи при воздействии веществ нейропаралитического действия: зарина и зомана.

Условно поражённым булавками пристёгивались таблички разного цвета с названием поражающего вещества.

Эта часть учений прошла гораздо успешнее. Кузьма Кузьмич так натаскал своих учеников, что все необходимые действия производились ими чётко и без малейших ошибок.

Правда, когда условно пострадавшие – работники предприятий поменялись ролями с санитарями – старшекласниками, не всё пошло так гладко. Так что последние, благодаря своему преподавателю, дали фору взрослым, среди которых многие оказались родителями ребят.

В целом, учения прошли успешно. И Галина Семёновна объявила всем участникам благодарность.

Единственным пострадавшим оказалась я, так как именно мне было предписано вести в местной школе курсы по оказанию первой медицинской помощи.

Глава 8

Тайный ухажёр

Наступило очередное лето. У меня появился тайный ухажёр. Чуть ли ни каждый день, поднимаясь после работы к себе, я обнаруживала букетик цветов, вставленный в дверную ручку. Долго не могла понять, кто же это мог быть.

Однажды, договорившись с Ириной о встрече, я ожидала рейсовый автобус на остановке, когда почти вплотную ко мне подъехал старый «москвич». Из него вышел мой бывший пациент, которого я оперировала пару месяцев назад по поводу аппендицита. Он был в сером элегантном костюме при галстукe.

– Здравствуйте, Татьяна Павловна! Вы в район?

– Здравствуйте, – сказала я, запнувшись, поскольку не могла вспомнить имя пациента.

– Валерий, – подсказал он.

– А! Валерий Петрович! – воскликнула я обрадованно, вспомнив, наконец-то, его имя-отчество.

– Для вас просто Валерий.

– Тогда я тоже для вас просто Татьяна, – сказала я кокетливо.

Мы были примерно одного возраста.

– Мне с вами по дороге. Могу вас подвезти.

Я с радостью согласилась. Валерий, как истинный джентльмен, открыл дверцу своего авто с моей стороны, подал мне руку и, дождавшись пока я усядусь, захлопнул дверцу и сел за руль.

По дороге мы болтали обо всяких пустяках. Валерий рассказывал о своих ощущениях во время операции и о впечатлениях от моего разговора с операционной сестрой.

В то время такие операции делались под местной анестезией, и пациент мог слышать всё, что происходило в операционной. Мы посмеялись.

На полпути он неожиданно остановил автомобиль и, достав из «бардачка» бархатную прямоугольную коробочку красного цвета, протянул мне со словами:

– Это – вам.

– В честь чего это, Валерий Петрович? – произнесла я, открывая коробочку, в которой лежали миниатюрные часики с браслетом.

– В знак благодарности за операцию, – произнёс он, краснея.

– Я не могу этого принять, – ответила я, возвращая ему подарок.

– Почему?

– Потому что не беру взяток.

– Это вовсе не взятка.

– А что же?

– Подарок от чистого сердца.

– Подарков от мало знакомых людей я тоже не принимаю.

Возникла неловкая пауза. Моя рука как бы повисла в воздухе с этой дурацкой коробочкой. А Валерий, даже не смотря в мою сторону, сидел, опустив голову, и молчал. Конечно же, я догадалась, в чём дело. Нужно было как-то прояснить ситуацию.

– Валерий, это вы мне приносите цветы?

В ответ он выхватил злосчастный футляр из моих рук со словами:

– Если вы не примите мой подарок, я выброшу его под колёса автомобиля.

Я еле сдержала смех, вспомнив подобную сцену из фильма «Девчата», но, во время спохватившись, взяла коробочку и положила в «бардачок» со словами:

– Когда-нибудь вы его обязательно подарите мне, когда будет повод.

Немного успокоившись, он произнёс:

– Извините. Насильно мил не будешь.

– Валерий, пожалуйста, не обижайтесь. Просто всему своё время, – ответила я, немного смутившись.

Он завёл машину, и мы поехали дальше. Оба старались сгладить неловкость ситуации, но непринуждённая беседа, которая велась между нами до этого момента, не складывалась.

Валерий был довольно привлекательным и образованным молодым человеком, светло-волосым, сероглазым, с ровными белыми зубами и глубокими ямочками на щеках, придававшими ему особое обаяние, когда он улыбался. Он преподавал историю в местной школе, попав, как и я, в этот маленький городок по распределению.

Возможно, в другое время я бы и обратила на него внимание, но сейчас, когда мною был поставлен блок в мозгу на всякие там шуры-муры, запрещающий даже думать о чём-нибудь таком, пока не стану настоящим профессионалом, я не могла поступиться своими принципами.

– Где вас высадить, Татьяна Павловна? – обратился он ко мне официально.

Я назвала место. У кафе «Ветерок» меня уже ожидала Ирина.

Валерий остановил машину, открыл мне дверцу и, подав руку, помог выйти. Поблагодарив его, я направилась к подруге.

– Я буду надеяться! – с этими словами он быстро сел в машину и умчался.

– У тебя появился кавалер? – спросила Ирина с улыбкой.

– Да нет. Это просто мой бывший пациент. Делала ему аппендэктомия.

– Просто пациенты не смотрят так на просто врачей и не возят их на машине за 40 километров, – продолжала она, улыбаясь.

Мы зашли в кафе. Я хотела заказать по бокалу шампанского, но Ирина отказалась. Ограничились салатиками и кофе с пирожными.

– Сейчас ты мне всё расскажешь, – произнесла она, ожидая пикантных подробностей.

– Да нечего рассказывать. Правда, – постаралась я свернуть тему. – Расскажи лучше о себе.

Увидев выпячивающийся из-под платья животик, я воскликнула:

– Так тебя можно поздравить!

– Уже пять месяцев, – с улыбкой подтвердила Ирина.

– Как быстро летит время! А как вообще у вас с Кириллом?

– Мне здорово повезло. Кирилл – замечательный человек и очень заботливый муж. Знаешь, как он обрадовался, когда узнал о ребёнке? Полностью снял с меня обязанности ходить по магазинам. Даже полы моет сам. Следит, чтобы я вовремя поела. На дежурства таскает сумки с фруктами. Часто дарит цветы. Иногда такие мысли приходят в голову: если бы за мной так ухаживали всю жизнь, я готова была бы всю жизнь быть беременной, – произнесла она, громко рассмеявшись. – Ну а как твоя жизнь?

– У меня особых новостей нет. Недавно были учения по Гражданской обороне. Наш Николай Петрович не подкачал. Вот что значит бывший военный. Организовал всё в лучшем виде. Да и преподаватель Гражданской обороны в местной школе, подполковник в отставке, своих ребят здорово натаскал.

Единственное, никто не научил их оказывать первую медицинскую помощь при воздействии механического фактора. Так теперь меня обязали заняться этим делом.

– Повезло, ничего не скажешь, – смеясь, констатировала Ирина.

– И не говори. Будто у меня других дел нет... После учений, конечно, собрались всем коллективом отметить. Наша повариха по этому поводу испекла три пирога: с рыбой, грибами и из рабарбара. Бани, почуяв рыбу, до вечера не выходил из пищеблока.

– Да. Этот обжора не пропадёт. Хитрый, чертяка. Ну а на личном фронте? – попыталась она вернуть меня в нужное русло.

– Затишье. Зато у нашего Андриса, то бишь Альфредовича, кажется, продолжается роман с Вией. Несколько месяцев уже не пьёт. Представляешь, какое счастье для меня?

– А ты то тут при чём?

– Я очень даже при чём. Андрис сидит только в поликлинике, а я, стало быть, в стационаре. Так что, все операции мои.

– А-а, – протянула Ирина. – Я даже не подумала об этом. А Вильгельмина как? По-прежнему зверствует, держит сестёр в чёрном теле?

– Представляешь, когда ты уехала, я обустроила твою комнату на свой вкус. Помнишь, ещё забегала к тебе, когда приезжала с Иваром за покупками? – Ирина утвердительно кивнула головой. – Не хватало только коврика. Так вот. Прихожу однажды к себе, а на пороге лежит домотканый коврик, причём в тех же тонах, что и покрывала.

Оказывается, Вильгельмина сама его соткала на каком-то старинном ткацком станке. До сих пор гадаю, каким образом она с цветом угадала, ни разу не побывав у меня в гостях.

– А Семёновна?

– Разумеется, заходила и не раз.

– Ну вот тебе и ответ.

– Неужели она?

– А кто же ещё?

– Какая всё-таки чудесная женщина наша шефиня! И всё так тщательно скрывает, как будто боится, что её заподозрят в слабости.

– Она же у нас кремень.

– Да. Она такая есть. Готова последнюю рубашку снять с себя и отдать. А сразу и не скажешь. Когда я увидела её впервые, у меня был шок. Не могла себе представить, что смогу поработать с ней целых два года. Представляла, как выскажу всё, что о ней думаю, когда буду покидать это адское место. А теперь не знаю, как помягче сказать о том, что положенные два года подходят к концу, и я вынуждена буду её покинуть. Она столько для меня сделала! – со смешанным чувством благодарности, боли и неизбежности произнесла я.

– Ты действительно хочешь уехать?

– Понимаешь, Ирочка, здесь мне очень хорошо. Я чувствую себя как рыба в воде. Благодаря Галине Семёновне и бытовые условия как нельзя лучше, и коллектив великолепный, и оперировать есть возможность. Но, в силу ограниченных возможностей больницы, здесь я никогда не смогу стать настоящим хирургом. У Галины Семёновны была хорошая школа. Она прошла всю войну и умеет делать практически всё. Чему можно было научиться здесь, я уже научилась. А дальше что?

– Я тебя понимаю, но не дай Бог такого опыта никому, – произнесла Ирина, взглянув на часы. – Ой! Сейчас же мой Кирюха вернётся с работы. Надо кормить. Ты меня извини.

– Не за что извиняться. Передавай ему привет от меня.

Расплатившись, мы вышли из кафе. Распрощавшись с подругой, я направилась к автобусной остановке. Заметив знакомую машину, хотела свернуть, но Валерий уже шёл мне навстречу.

– Татьяна Павловна, куда же вы? Разве не собираетесь возвращаться домой?

– Я кое-что забыла, Валерий Петрович, – ответила я, возвращаясь для вида в кафе, чтобы он не подумал будто я его избегаю.

– Хорошо. Я вас подожду в машине, – ответил он.

Всю дорогу ехали молча. Валерий довёз меня до дверей больницы, открыл дверцу и подал руку со словами:

– Ну хоть цветы я могу вам изредка дарить?

– Конечно. Мне будет приятно, – ответила я, вложив в свои слова как можно больше искренности.

Глава 9

Отъезд в Ригу Первая неудача

Время моего пребывания в зональной больнице, предусмотренное законом, подходило к концу. Оставалось отработать около трёх месяцев. Я никак не могла решиться сказать об этом Галине Семёновне, хотя она, конечно же, знала, но тоже не торопилась заводить об этом разговор, в глубине души, наверное, надеясь, что я останусь. Мы с ней так сработались, что понимали друг друга с полуслова, особенно во время операций.

Не имея своей семьи, она относилась ко мне по-отечески. По крайней мере, мне так казалось. Больше тянуть было нельзя. Я понимала, что главврачи должны были вовремя подавать заявки на специалистов в Минздрав. Учебный год в институтах подходил к концу. И я не имела права подвести человека, ставшего мне дорогим.

Однажды я подошла к ней после пятиминутки.

– Галина Семёновна, я хотела бы с вами поговорить.

Она, конечно же, догадалась о чём пойдёт речь.

– Ну что, Танюша, покидаешь Старую Перечницу? – задала она вопрос в утвердительной форме, закуривая очередную папиросу.

Шефиня прекрасно знала, как зовёт её персонал за глаза, а также и то, что абсолютно беззлобно.

– Галина Семёновна, что вы такое говорите? Вас здесь все любят.

– Да я не о том. Ты не юли, Татьяна. Говори прямо. Надумала уйти?

– Галина Семёновна, поймите меня правильно. Вы меня многому научили и могли бы научить ещё большему с вашим огромным опытом, но статус зональной больницы не позволяет это сделать. Я вам благодарна за всё и прекрасно понимаю, что больше нигде не буду чувствовать себя так комфортно, как здесь. Но я хочу учиться дальше, – закончила я заранее подготовленный монолог.

Галина Семёновна всё это время курила, задумчиво и немного отрешённо глядя на меня.

– Всё правильно, Татьяна. Всё правильно. Насильно я тебя держать не могу. А тебе и впрямь нужно дальше идти. Напишу рекомендательное письмо. Может, поможет в трудоустройстве.

Поблагодарив её, я с облегчением вышла.

Наступил день расставания. Я устроила «отвальную» для персонала. С Галиной Семёновной пришла попрощаться лично. Подарила букет белых роз и еженедельник в кожаном переплёте с надписью: «Моему первому учителю и прекрасному человеку в знак глубочайшей признательности и любви. Ваша ученица, Татьяна Илюшина».

Прощаться со мной пришёл и Валера с огромным букетом алых роз. Он попросил разрешения иногда звонить мне. Я вырвала листок из блокнота, написала рижский номер телефона своих родителей и отдала ему.

Рига встретила меня приветливо. «Бабье лето» было необычайно тёплым.

За два месяца до моего приезда бабушка Аня со своей дочкой от второго брака, Лаурой, которая недавно вышла замуж за выпускника лётного училища имени Алксниса, уехала с ними по месту распределения своего зятя Леонарда в Калинин, ныне Тверь. Бабушкин второй муж, Григорий Иванович, к которому мы с Машей относились как к родному дедушке, к сожалению, умер два года назад.

Бабушка как-то рассказывала историю, как через несколько лет после войны гадалка нагадала ей, что она выйдет замуж повторно за человека, которого любила ещё в юности. Так оно и вышло. Совершенно случайно они встретились в Ленинграде и поженились. Плодом этой любви и стала Лаура, которая в настоящее время была в положении. Поэтому бабушка и уехала, оставив в Риге однокомнатную квартиру в «хрущёвке». В неё-то я и заселилась.

Квартира была полностью мебелирована. Мне оставалось только расставить всё по своему вкусу и докупить кое-какие мелочи.

Впереди был целый месяц отдыха. Неделю я занималась обустройством своего нового жилища, бегала по магазинам, пару раз встречалась со своими лучшими институтскими друзьями, с которыми проучилась пять лет в одной группе до распределения в интернатуру по хирургии.

Алина и Арсений на шестом курсе поженились, и у них уже подрастал чудесный малыш.

Сестрёнка поступила в школу-студию МХАТ на курс к Олегу Ефремову. И мы очень ею гордились.

Нерешённым был один вопрос, но самый важный для меня в тот момент – найти работу по специальности в Риге. Первым делом я отправилась в Горздравотдел. Вакансии были только в поликлиниках. «Там я точно наберусь опыта», - с горечью и иронией думала я.

На следующий день направилась на приём прямо к главврачу одной из крупнейших рижских больниц, предварительно записавшись по телефону и захватив с собой рекомендательное письмо от Галины Семёновны в надежде, что оно мне может помочь.

Главврачом была солидная белокурая женщина лет пятидесяти с очень волевым характером. Я её знала ещё с институтских времён. Она всегда вызывала у меня ассоциацию с Екатериной Второй, и не только у меня.

Когда я вошла в её кабинет и поздоровалась, кивком головы она указала мне на близстоящий к ней стул.

– Слушаю вас.

– Зинаида Витальевна, я ищу работу дежурного хирурга. Не найдётся ли в вашей больнице какой-нибудь вакансии? – присаживаясь на стул, произнесла я, протягивая конверт. – Здесь рекомендательное письмо.

Императрица, как звали её за глаза, даже не взглянула на него.

– Милочка, нам требуются опытные хирурги. Так что извините. Для вас вакансий у нас нет. Поинтересуйтесь у главврача «скорой помощи». У них большая текучка кадров. Наверняка какое-нибудь место для вас найдётся, – ответила она, возвращая мне письмо.

– Извините, – подавленно произнесла я и вышла как оплётанная.

Совершенно расстроенная, потеряв всякую надежду найти работу, о которой мечтала всю жизнь, вернулась домой. Чтобы как-то отвлечься, взяла первую попавшуюся книжку и, усевшись в кресло, начала читать. Это оказался какой-то исторический детектив, связанный с похищением бриллиантов.

Глава 10

Дуплет таинственной серёжки

Зачитавшись, уснула прямо в кресле, успев только выключить свет.

Очнувшись от знакомого шуршания, во всяком случае мне так показалось, увидела женский силуэт, который, наподобие проявляющейся фотографии, постепенно начал вырисовываться в темноте. Сначала его контуры были размытыми, но с каждой секундой становились более чёткими. Наконец, «фотография» проявилась.

– Не бойся меня. Загляни в шкапулку, – произнесла уже знакомая мне дама и растворилась во тьме так же, как и появилась.

От страха я чуть не потеряла дар речи. Нашупав дрожащей рукой кнопку выключателя, зажгла свет. Никого в комнате не было. Книга валялась на полу. Подняв её и положив на место, я перебралась на диван и тут же уснула, подумав, что испытала зрительную галлюцинацию, возникшую под влиянием читаемого накануне детектива.

Проснувшись утром, вспомнила о ночном видении. Оно казалось настолько реальным, что, несмотря на мое недоверие к разного рода мистификациям, всё же решила поискать шкапулку и через полчаса в серванте действительно нашла её.

Она была небольших размеров, деревянная, с резной крышкой. Внутри находилась очень красивая серёжка наподобие грозди винограда, обвитой змеёй.

Подойдя к зеркалу и продев дужку серьги через дырочку в мочке уха, подивилась её красотой. «Жаль, что только одна!» – подумала я, кладя её на место. Где-то я уже видела нечто подобное. Но как ни пыталась вспомнить, так и не смогла. Решила позвонить маме.

Она попросила меня приехать. Когда я показала серёжку, привезённую с собой, мама спросила:

– Помнишь, я тебе рассказывала, как фамильные драгоценности твоей прабабушки дважды спасли нашу семью от смерти?

Я кивнула в знак согласия.

– Так вот, эта серёжка из того гарнитура. Только она ненастоящая. Это – подделка. К сожалению, я не помню подробностей. Тебе лучше самой расспросить о ней у бабушки Ани.

– Как ты думаешь, а кто эта женщина с вуалью? – спросила я.

– Думаю, твоя прабабушка, мать моего отца, – на минуту задумавшись, ответила мама.

– Мне срочно нужно повидаться с бабушкой, – воскликнула я, внезапно вспомнив, где я впервые увидела гарнитур, и сразу же помчалась на вокзал покупать билет до Калинина.

На следующий же день, около 12 часов дня, я уже была на месте.

Бабушка, предупреждённая о моём приезде, напекла своих фирменных пирогов из капусты, палтуса и селёдки. Казалось бы, совершенно несовместимые продукты. Но какая это была вкуснятина!

Ещё в Риге, почти каждое воскресенье, не говоря уже о праздниках, к ним с дедушкой Григорием в однокомнатную квартиру на эти пироги съезжалась вся рижская родня. А она в то время была немаленькой. Десять-двенадцать взрослых усаживались за огромным круглым столом в комнате. Ребятишкам накрывали стол на кухне.

Я до сих пор не могу понять, как в такой маленькой квартирке могло разместиться столько людей. И главное, все уходило сытыми, довольными и веселыми.

Уже гораздо позднее, вспоминая бабушкины слова: «Знаешь, внученька, о чём я больше всего мечтала во время войны? Придёт ли то время, когда я буду пить сладкий чай с кусочком

белого хлеба, и при этом не будет бомбёжки», – я поняла её желание всех накормить, обогреть и приютить. А так же и то, почему все родственники, разделённые войной и с трудом найдя друг друга, так часто собираются вместе и никак не могут наговориться, хотя казалось, обо всём уже было говорено сотни раз.

Летом, в хорошую погоду, всей гурьбой ездили купаться и загорать на Даугаву, тем более, что пляж находился недалеко от бабушкиной квартиры, или на озеро Кишэзэрс.

Выбирали полянку между соснами и там располагались на принесённых с собой подстилках. Кто-то играл в карты, кто-то в волейбол, кто-то читал книгу. У ребятни были свои забавы.

Бабушка с дедушкой Григорием были староверами, поэтому не поощряли игру в карты. Любителям азартных игр приходилось искать укромные места, чтобы не попадаться им на глаза.

Женщины накрывали импровизированный стол на белой скатерти со всякой всячиной и напитками, болтая между собой. Бабушка уже с самого утра ехала на центральный рынок, чтобы побаловать детей свежей сочной клубникой или другими ягодами в зависимости от сезона. Какое это было замечательное время! Запах бабушкиных пирогов моментально оживил эти чудесные мгновения в моей памяти.

Бабушка Аня и моя тётя Лаура, которая была всего лишь на три года старше меня, обрадовались моему приезду. Старший Леонард был на службе, а младший, родившийся три месяца назад, посапывал в своей кроватке после прогулки и кормления. Так что у нас была уйма времени для общения.

Обнявшись и расцеловавшись, сели за уже накрытый бабушкой стол, славившийся разносолами, задавая друг другу дежурные вопросы о жизни, здоровье, работе.

Вскоре Леонард Второй, как мы называли его в шутку, а потом просто Лёней для краткости, проснулся, и Лауре нужно было заняться ребёнком.

Оставшись с бабушкой наедине, я, наконец, вынула серёжку из шкатулки и рассказала при каких обстоятельствах обнаружила её.

Бабушка как-то загадочно улыбнулась, в очередной раз напомнив мне «Джоконду», хотя внешне совсем на неё не походила.

У неё были длинные волнистые волосы, к этому времени, к сожалению, уже совершенно седые, собранные в узел и закреплённые шпильками на макушке, голубые глаза и довольно крупные черты лица. Но когда она улыбалась с намерением открыть какой-то секрет или сообщить о важном для семьи событии, перед моими глазами неизменно всплывал образ Моны Лизы. Вообще, её глаза всегда излучали доброту, благоразумие и мудрость.

– Ну что, Елена Николаевна наконец-то подала тебе весточку? – произнесла она, продолжая улыбаться.

– Ты о ком, бабуля?

– Об обладательнице содержимого этой шкатулки.

– Ты тоже считаешь, что это моя прабабушка является ко мне в видениях и снах?

– А то кто же? Она, собственной персоной.

– Так её звали Еленой Николаевной?

Бабушка согласно кивнула головой.

– Ох и необычная это была женщина!

– А что ты можешь сказать об этой серёжке? – спросила я. – Мама сказала, что она — не настоящая.

– Верно, – подтвердила бабушка. – Одну серёгу Елена Николаевна обменяла в голодные годы на продукты, чтобы не умереть нам всем с голоду. Ожерелье спасло нас с твоей мамой от смерти. А вот что касается этой серёжки, то это – искусная подделка.

– А где же настоящая? – почувствовав какую-то тайну, с замиранием сердца спросила я.

– Ну, если сама Елена Николаевна захотела, чтобы я раскрыла её тайну, расскажу.

– Бабушка, миленькая, расскажи мне всё, что ты знаешь до мельчайших подробностей и о себе, и о моём дедушке, и вообще обо всех моих предках. Ведь в детстве у меня не было возможности часто с тобой общаться. Мне ужасно интересно.

– Хорошо. Тогда слушай.

Только я удобно устроилась в мягком кресле напротив бабушки в предвкушении услышать что-то необычное, как раздался звонок. Это возвращался со службы Леонард Первый.

Бабушка пошла открывать дверь со словами:

– Вишь какая незадача? Зятя кормить надо. Вот завтра с утра и начнём. А пока, Танюшка, иди устраивайся на ночлег. Я уже тебе постелила.

Ночью я никак не могла уснуть, пытаюсь воскресить в своей памяти образ теперь уже не таинственной незнакомки, а вполне себе реальной личности, собственной прабабушки.

Наконец, с трудом заснув, я увидела круглый стол в бабушкиной рижской квартире, за которым когда-то собирались по двенадцать человек родственников.

За ним и сейчас сидело двенадцать человек, но незнакомых мне мужчин и женщин, одетых по моде конца 19 века. На столе лежал круг с двумя контурами: на внешнем были изображены буквы, а на внутреннем – цифры. Сверху внутреннего круга было написано слово «да», а снизу – «нет», слева – восклицательный знак, а справа – вопросительный. Рядом горела свеча.

Из темноты вышла женщина в шляпке с вуалью. В её руках я разглядела блюдце. Она подержала его над пламенем свечи и, трижды вызвав какого-то духа, опрокинула блюдце на круг. Присутствующие положили на него пальцы рук, и оно закрутилось так быстро, что, казалось, никогда не остановится.

Наконец, вращения блюдца стали замедляться пока оно не остановилось и стрелка, нанесённая на его внешней стороне, не указала на букву «н». Блюдце опять завертелось, как волчок, указывая на следующую букву. Каждая буква, на которой останавливалась стрелка, проявлялась, как на фотоплёнке, с внешней стороны круга.

Я читала по мере появления новых букв, складывая их в слоги, пока не прочитала фразу: «Найди чёрный бриллиант».

Очнувшись от страха, посмотрела на часы. Было четыре часа утра. В окно светила полная луна.

Утром, проводив отца семейства на службу, Лаура отправилась с малышом на прогулку, а мы с бабушкой уединились за кухонным столом. Я еле дождалась момента, когда смогла рассказать ей о ночном видении.

– Шалит Елена Николаевна. Она ведь была связана с каким-то тайным обществом. Они на своих сборищах духов вызывали.

– Спириткой?

– Вот-вот, ей самой. Прости Господи! Грех-то какой! – бабушка перекрестилась. – Всё хотела вызвать своего гусара. Но ты её не бойся. Она не причинит тебе вреда. Видать, хочет сообщить тебе что-то важное.

– Но о чём же она может мне сообщить с того света?

– Знамо дело, о чёрном бриллианте. И видать, до тех пор, пока ты не найдёшь его, родовое проклятие на тебя перейдёт, – ответила бабушка озадаченно.

– Где же я его найду? – огорчённо воскликнула я.

– До поры, видно, знать тебе этого не дано. На земле одни законы, а на небе другие, – она подняла глаза кверху. – Придёт время, всё узнаешь. Прабабка твоя, вишь, знаки подаёт. Ты

только прислушивайся к ним, да приглядывайся. Она, знамо, выведет тебя на нужную дорогу. Нужно только терпения набраться. Не зря же она тебе снится. А пока допивай чай, да начнём ляды точить.

Бабушка была прекрасной рассказчицей, хотя закончила только церковно-приходскую школу. Обычно начинала издали, постепенно раскручивала фабулу, сохраняя интригу до конца повествования. Слушать её было одно удовольствие.

Глава 11

Прадед Григорий и прабабушка Евдокия

– Ну так вот, – начала бабушка свой рассказ, откусывая с помощью специальных щипчиков маленькие кусочки сахара от больших полупрозрачных кусков и наполняя ими сахарницу. – Гриша, наш с Катенькой папенька, был младшим сыном известного на весь околоток купца второй гильдии, Григория Григорьева.

– А что значит купец второй гильдии?

– Стало быть, размер его капитала составлял не менее 8000 рублей, и имелась гильдийское свидетельство, дающее право на торговлю. Так вот, его младший сын Гриша, названный в честь отца, влюбился в дочь зажиточного крестьянина, кулака, как сейчас их называют, Евдокию, твою прабабушку. А та была влюблена в Федю Мешкова, бедного, как церковная мышь. Федя тоже был влюблён в неё без памяти.

В моей голове сразу же всплыл образ прабабушки по маминой линии. Однажды я её видела, когда мы с мамой приезжали в гости к бабушке с Дальнего Востока во время летних каникул.

У неё были мелкие черты лица, расчёсанные на прямой пробор ярко-рыжие волосы будто выкрашенные хной, без единой седого волоска, несмотря на преклонный возраст, закрученные сзади узлом. Она была очень миниатюрная, с красивыми изящными кистями рук, я бы даже сказала, утончённая. Ещё, будучи ребёнком, я отмечала какую-то несуразность между обликом прабабушки и её крестьянским происхождением.

– Так вот, прабабушка твоя, Евдокия, сговорила со своим возлюбленным, что тот её выкрадет, – продолжала бабушка Аня. – В назначенный день и час Федя подъехал к её дому на дровнях, прихватив с собой тулуп, так как дело было зимой. Она выбежала к нему тайком. Он схватил её в охапку, накинул тулуп, усадил в сани и погнал лошадь в небольшую церквушку, заранее договорившись со священником, чтобы тот их обвенчал.

Ужо не знаю, как твой прадед прознал про это, но в километре от той церквушки он поджидал их в санях, запряжённых тройкой лошадей. Папа был под два метра ростом, сильным, задиристым, победителем всех кулачных боёв. Невесту, конечно же, он отбил, несмотря на её сопротивление и крики, и привёз прямо в родительский дом.

Что тут было, словами не описать. В старообрядческой среде украсть чужую невесту да привезти в дом без благословения родителей, не обвенчавшись, считалось таким позором, что помилуй Бог! Но папенька был очень упрямым. Всегда добивался своего.

На следующее утро усадил чужую невесту в сани, да и повёз её в местную церквушку, где они и обвенчались. Родители лишили его за этот неслыханно дерзкий поступок наследства и всяческой материальной поддержки.

– А что прабабушка? Она ведь могла не дать согласия, и всё. И священник не смог бы их обвенчать.

– А что ей оставалось делать? Позора не избежать. Обрато в дом родителей путь заказан. Кто бы её, опозоренную, замуж взял? В те времена матушка с батюшкой подбирали пару своим чадам. Чтобы из приличной семьи человек был, не пил, не курил. И также в отношении девиц. Не то, что нонче – женятся по любви, а через год расходятся, мол характерами не сошлись. А в старину иначе было. Слыхала поговорку «стерпится-слюбится»?

– Ну и как, слубилось? – задала я глупый вопрос.

– На счёт любви не скажу. Не знаю. А то, что было промеж них уважение и забота друг о друге, так это точно. Иначе, как Дунюшка и Гришенька, друг к другу не обраща-

лись. А ежели какие-то разногласия случались, то по имени-отчеству – Григорий Григорьевич и Евдокия Антоновна. Во всяком случае, мы с Катенькой, твоей двоюродной бабушкой, всегда чувствовали согласие в семье.

Я прекрасно помнила тётю Катю, как мы называли её с Машей. Она была статной красивой женщиной, с прекрасной фигурой, обладающая изумительным вкусом, всегда модно одетая, не зависимо ни от каких жизненных обстоятельств.

Часто вспоминаю её слова: «Главное для женщины – это красиво уложенные волосы и элегантная обувь».

По сравнению с бабушкой тётя Катя мне казалась легкомысленной. Будучи трижды замужем, она не была счастлива ни разу, но никогда не унывала. Один из её мужей, Пётр, был по фамилии Великий. Приняв фамилию мужа, тётя Катя стала Екатериной Великой. К сожалению, она умерла несколько лет назад.

– В то время, – продолжала бабушка, – жениться без благословения родителей было не только позором, но и большим грехом. Сначала папины родители хотели выгнать его вовсе из дома, но потом сжалились, выделив для молодой семьи баню для проживания.

Папа никогда не боялся трудностей. Кроме того, он был очень рукастым, смекалистым и предприимчивым. Через год он уже срубил избу, куда переехал с молодой женой. Правда, братья помогли.

Мама тоже была трудолюбивой и рукодельной. Она перевезла в своё новое жилище сундук с приданым, которое её родители собирали годами, сама навязала всяких салфеточек и занавесочек. В восточном углу дома, как полагается, расположила киот с иконами и лампадой, полученными от родителей, в конце концов простившими её проступок, украсив его собственноручно вышитым рушником. В общем, обустроила избу так, как предписывал популярный среди староверов «Домострой».

Окромя того, она хорошо готовила, могла выпекать хлеб в печи, пекла пироги с разной начинкой, готовила изумительный квас. В доме была чистота и уют.

Уже с начала посевной и до поздней осени мама работала в поле от зори до зори. При этом ещё успевала сходить в лес по грибы и ягоды и сделать заготовки на зиму. Папины родители, в конце концов, её полюбили.

Видя, что и сын их не промах, выделили ему небольшую ссуду. И папа развернулся во всю мощь. У него появились связи с торговыми людьми. Сначала он открыл скобяную лавку. К этому времени уже родилась Катенька. Потом начал торговать зерном, крупой, сахаром, разными тканями, посудой и другой всячиной. Всего и не упомнишь. Для этого были построены лабазы. И лавка уже стала настоящим магазином. Завели корову, лошадей, поросят, птицу всякую.

Мама уже не могла справиться с таким большим хозяйством, тем более к этому времени родилась я. Папа нанял двух работников ей в помощь, Ивана и Глашу, а сам целыми днями по торговым делам пропадал.

В общем, дела твоего прадеда Григория, пошли в гору. По уровню богатства он уже почти достиг отца, и был в городе, куда мы переехали, известным и уважаемым человеком. Семья жила уже не в рубленой избе, а в большом двухэтажном доме с мезонином и садом. Папа нанял ещё двух работников. Хозяйство росло как на дрожжах. Но тут грянула Первая мировая война. Папеньку нашего мобилизовали. А мама в это время была в положении.

Андрюшенька родился уже в его отсутствие. Мы с Катей его обожали, чуть ли не дрались за право понянчить братика, хотя сами были ещё малыши детьми.

Когда папа вернулся с фронта, Андрюшеньке уже шёл третий годочек. Встреча была неожиданной. В это время мы с Катей помогали Глаше собирать урожай в саду, а братишка

«скакал» вокруг нас на палке с головой лошадки. Увлёкшись работой, даже не заметили, как к калитке подошёл человек. Мы не сразу распознали в нём отца.

Человек опирался на костыль. Шинель на нём была грязной и рваной, щёки впалыми, с нездоровым румянцем, борода всклокоченной, а глаза красными и потухшими.

Мама, увидев папу в окно, выбежала на крыльцо, вытирая мокрые руки передником, и бросилась в его объятия. Радости не было предела. Они долго стояли, обнявшись, молча, не веря своему счастью.

Потом он расцеловал нас с Катей и, схватив Андрюшку в охапку, прижал к груди, целуя и приговаривая: «Сыночек мой, родной сыночек! Кровинушка моя!» По его щекам текли слёзы. Прежде он никогда не позволял себе показать ни малейшего проявления слабости. Да и потом мы никогда не видели в его глазах слёз. Так что и мы с Катей не удержались, всплакнули.

Андрюшка от неожиданности, да ещё видя, что все вокруг, даже Глаша, плачут, так испугался, что разразился громким рёвом, вырываясь из папиных рук. С трудом удалось его успокоить.

Помню, как папа был поражён, когда увидел ухоженные поля с колосающейся рожью и пшеницей. Ведь все мужчины, нанятые до войны на работу, были мобилизованы на фронт. Можешь себе представить, Танюша, как две хрупкие женщины, хотя о Глаше этого, конечно, не скажешь, смогли вспахать и засеять два огромных поля зерном? Мы с Катенькой, конечно, помогали, чем могли: присматривали за братишкой, кормили скотину, готовили еду и поочерёдно носили нашу стряпню и питьё маме с Глашей прямо в поле. В основном это была картошка в мундире и кое-что из овощей, краюха хлеба, квас или молоко, а то и просто вода. Для Андрюшки научились готовить молочную кашу.

Мама с Глашей возвращались с работы за полночь и падали в кровати даже не имея сил раздеться. А через 3—4 часа – снова в поле. Да ещё корову нужно было успеть подоить.

Папа этот подвиг, как он считал, запомнил на всю жизнь. Как только оправился от ранения (слава Богу, рана оказалась не слишком серьёзной – осталась только хромота), после первой же своей поездки по торговым делам щедро одарил маму и Глашу. Да и о нас с Катенькой и Андрюшкой не забыл.

После войны началась такая неразбериха, короче говоря, смута. Сначала революция, потом Гражданская война. Несмотря ни на что, папа продолжал упорно трудиться. Постепенно его дела, запущенные во время всех этих событий, начали выправляться.

Он ужасно любил нас с Катенькой, а в Андрюшеньке так просто души не чаял, и баловал всех без меры. После каждой деловой поездки привозил нам дорогие игрушки. Помню, сколько было радости, когда он привёз Андрюшке деревянную лошадку-качалку. Так тот не слезил с этой лошадки целыми днями, крича: «Но, лошадка! Вперёд!», – размахивая при этом деревянной саблей, выструганной папой. Наверное представлял, как идёт в атаку на врага.

По мере того, как мы с Катенькой подрастали, нас больше начали интересовать наряды, чем куклы. И папа разрешал выбирать любую из понравившихся тканей, которые он привозил из разных уголков России для торговли, и заказывать наряды на свой вкус у местной белошвейки. Так что мы были первыми модницами в городе.

Но не думай, Танюша, что мы катались, как сыр в масле. Вставали рано. Помогали маме по хозяйству, несмотря на то, что была прислуга. Когда подросли, стояли за прилавком в магазине, отпуская товар. Самостоятельно вели журнал, в котором тщательно записывали кому какой товар и на какую сумму отпустили в кредит.

К сожалению, в нашей среде учёба касательно девочек не очень поощрялась. Папа считал, что вполне достаточно церковно-приходской школы.

Однажды в наш магазин, уж не помню за чем, зашёл один паренёк. Он был высокий, статный, голубоглазый, с кудрявым светло-русый чубом и наглой улыбкой. Я обомлела, – сказала бабушка, зардевшись при этом.

– Гриша, – представился он. – А тебя как зовут, красавица?

– Аня, – ответила я еле слышно, потупив глаза в пол.

Не помню, как отпускала ему товар. Этот Гриша не шёл из моей головы ни днём, ни ночью. Я поняла, что влюбилась. Он стал навещать в наш магазин чуть ли не каждый день под различными предлогами.

Вскоре начали встречаться тайком от родителей. Даже Кате ничего о нём не сказала. Максимум, что я позволяла своему возлюбленному, так это поцелуй в щёчку. Да и он вёл себя скромно и уважительно по отношению ко мне. По другому и быть не могло. У староверов воспитание было очень строгое. Родителей уважали, послушаться не смели.

Катюшка, правда, была бедовая. Бывало, отрежет тайком ткань от рулона в магазине да и подарит какой-нибудь подружке отрез на платье. Я хоть и не поощряла её, но никогда не сдавала. Думаю, папа догадывался, но не подавал никогда вида.

Глава 12

Староверы

Бабушка рассказывала с таким упоением, вспоминая своё детство и юность, что казалось, будто она полностью перенеслась в те далёкие времена, а за столом напротив меня осталась лишь её оболочка, энергично режущая овощи для борща. И хотя я предлагала свою помощь, она наотрез отказалась, сердито помотав головой будто боялась, что какая-то мысль из нескончаемого потока воспоминаний, напоминающих вешние воды, прорывающие плотину в половодье, может выскользнуть и уплыть в неизвестном направлении.

– Каждое воскресенье и, конечно, в церковные праздники, – продолжала она, – ходили всем семейством в моленную. Слава Богу, после Манифеста 1905 года старообрядцам разрешили строить молитвенные дома.

Я, конечно, краем уха слышала о гонениях староверов после реформы патриарха Никона. Но поскольку была крещена в православной вере, никогда не задумывалась над этим.

– Бабушка, а куда бежали староверы и где осуществляли свои обряды до 1905 года? – поинтересовалась я.

– Кто бежал в дремучие леса, где строили скиты, отгораживаясь от всего мира, кто подался за границу. Многие пустили корни на «Русском Севере». Тогда в это понятие входили также псковские и новгородские земли. Зажиточные староверы устраивали моленные в своих домах, причём не только для себя, но и для своих единомышленников. В палатах, например, боярыни Морозовой действовал небольшой женский монастырь.

Перед моими глазами вдруг предстала картина В. Сурикова «Боярыня Морозова», которую я когда-то видела в Третьяковской галерее, но прежде никогда не задумывалась над её смыслом. И даже вспомнилось моё отрицательное отношение к этой богатой барыне, закованной в кандалы, как к раскольнице. Ведь само слово «раскол» для меня имело всегда негативное значение.

Только теперь я осознала весь смысл этого церковного раскола и поняла, кто являлся его истинным виновником, а также величие подвига этой необыкновенной женщины, пожертвовавшей не только своим благополучием, но и самой жизнью за веру.

Значительно позднее, интересуясь её судьбой, я узнала много интересного. Оказывается, Феодосия Прокофьевна Морозова, Соковнина в девичестве, была очень высокопоставленной особой по своему рождению и положению в обществе, а её отец – окольник, то есть особой, приближённой к царю, муж, Глеб Иванович Морозов – родственником царствующей семьи Романовых. При царском дворе Алексея Михайловича она занимала должность верховной боярыни. Феодосия Морозова была очень богата, ездила в карете, украшенной мозаикой и серебром, запряжённой двенадцатью лошадьми.

Не поддержав реформу Никона так же, как и её сестра, княгиня Евдокия Урусова, она тайно постриглась в монахини под именем Феодоры. Даже пытая их на дыбе вместе с женой стрелецкого полковника, Марией Даниловой, палачам не удалось убедить этих самоотверженных женщин отказаться от своей веры. Они были заточены в земляную тюрьму и уморены голодом.

Приближалось время обеда. Лаура уже давно вернулась с прогулки и включилась в кулинарный процесс.

– Да, -продолжала бабушка своё повествование, помешивая закипающий борщ поварёшкой и пробуя на вкус специальной ложечкой. – Сколько народу тогда погибло за веру одному Богу известно.

На сковороде зашипели котлетки. Из-под крышки маленькой кастрюльки выбивался пар от кипящей воды с варившейся в ней молодой картошечкой.

Я начала накрывать на стол.

– Сейчас уже пообедаем и пойдём погуляем с Лёничкой, если не возражаешь. Дадим Лауре немного отдохнуть. А то наш принц (она специально произнесла это слово с буквой «ы») датский по ночам спать не желает.

– Конечно, бабушка. С удовольствием.

После обеда мы положили малыша в коляску и отправились на прогулку.

Было тепло и безветренно. Неподдалёку протекала Волга, и мы спустились к набережной, продолжая беседовать.

– Бабушка, почему всё-таки староверы не приняли новой веры?

Задумавшись на минуту, она ответила:

– Ну, во-первых, староверы всегда крестились двуперстием, а не тремя перстами, то есть «антихристовой щепотью», как предлагал Никон, потому как тремя пальцами берут табак. Староверам, кстати, курить запрещено. Во-вторых, новая вера в крёстных ходах заменяла движение «посолонь», то есть по солнцу, на противоестественное движение против солнца. Потом, в литургии правая и левая сторона менялись местами. А это старообрядцами воспринималось как колдовской обряд. Я уже не говорю о том, что мужчин заставляли брить бороды со времён Петра Первого. Это вообще воспринималось как оскорбление мужского рода.

– А почему некоторых староверов называли беспоповцами?

– Знаешь, внучка, в 17 веке жил некий протопоп Аввакум. Он служил в Казанском соборе в Москве. Так вот, он не отступил от своей веры, ушёл со службы вместе с паствой и начал проповедовать в сарае для сена. Аввакум говорил: «Иногда и конюшня лучше церкви бывает». Этот сарай считается первым старообрядческим храмом. Так и повелось, что у староверов моленные дома были без алтаря. Поскольку после раскола Русской Церкви большинство священников отошли от истинной веры, службу стали вести наставники.

Ещё Иоанн Златоуст говорил: «Если епископ не находится среди своего стада, чтобы руководить им, то пусть овцы сами возьмут на себя обязанности пастыря». Вот так-то, внучка. Ответила я на твой вопрос?

Я кивнула головой, удивляясь, откуда бабушка, полуграмотная женщина, столько всего знала.

Пока мы гуляли по набережной, прошло часа два. Лёничка проснулся и начал капризничать, давая нам понять, что ему пора бы перекусить. Пришлось возвращаться домой.

Лаура успела отдохнуть за это время и поджидала нас к чаепитию. Пока она кормила ребёнка, мы с бабушкой пили чай из блюдец с наколотым утром сахаром вприкуску. Мне казалось, что такого вкусного чая я никогда прежде не пила.

После ужина бабушка рассказала, что в их городе на моленной уже были главки, и купола с восьмиконечными крестами, и колокольня. Каждое воскресенье и церковные праздники ознаменовывались Благовестом – наиболее древним звоном Церкви Христовой, а потом колокольным звоном в соответствии с церковным уставом.

В этот день я многое узнала о старообрядцах и купечестве, но тайна серёжки оставалась не раскрытой. Однако мне не хотелось торопить события.

Глава 13

Дедушка Сергей и бабушка Анна

На следующее утро муж Лауры, как обычно, отправился на службу. Она отсыпалась после бессонной ночи, так как Лёничка заснул только под утро.

А мы с бабушкой, прихлёбывая чай из блюдец, продолжили беседу, которая, кстати сказать, доставляла нам обоюдное удовольствие.

– Ну как, Танюша, выспалась хоть? А то наш младшенький ночью жару давал.

– Всё в порядке, бабуля. Спала без задних ног.

– Небось утомила я тебя вчера своими рассказами-то?

– Ну что ты?! Они мне как бальзам на душу.

– Ты пей, пей чаёк-то. Мелису и мяту сама заготавливала. У меня ещё много есть, что рассказать тебе. Ларии мои рассказы наскучили. Да и некогда ей со мной лясы точить.

– Почему Ларии? – спросила я удивлённо.

– Лария – её настоящее старообрядческое имя. Это она уже сама себя Лаурой назвала на современный манер... Как Григорий Иванович мой помер, так и поговорить не с кем стало, – продолжала бабушка, вытирая внезапно нахлынувшие слёзы краем передника. – Такое вдруг чувство одиночества накатывает, что хоть волком вой. Хорошо хоть ты приехала.

– Бабуленька, дорогая, – я подошла к ней, обняв за плечи и уткнувшись в её седые мягкие волосы, пахнувшие душистыми травами. – Ты совсем не одинока. С тобой ведь рядом Лаура, внучок и зять хороший. Дочка тебя любит. Да и мы с мамой не так уж далеко живём. А Маша так совсем рядом. Соскучишься, села в поезд и приехала к нам в гости. Лаура с Леонардом проводят, а мы встретим. Надеюсь, зять не обижает?

– Нет. Что ты? Дай Бог каждому такого зятя. Всё правильно ты говоришь, внученька. Только живём мы в разных мирах. Они молодые. У них свои интересы и заботы. Молодёжь-то живёт будущим, а старики – прошлым. Вот помню, сядем мы с Гришенькой за кухонным столиком друг против друга, смотрим друг другу прямо в глаза и наглядеться не можем, будто сто лет не виделись. Не знаю, что он думал в эти минуты, а я благодарила Бога, что хоть на старости лет послал мне такое счастье.

Станем вспоминать о нашей юности и о прошлых жизнях, прожитых друг без друга. И от этих разговоров то такая благодать разольётся по сердцу, то грусть нападёт от потерянного времени, прожитого врозь. Ведь как я подсчитала, Танюша, у меня, почитай, шестая жизнь пошла, последняя.

– Бабуля, ты что, веришь в переселение душ?

– Да я понятия не имею, что это за переселение такое.

– Ну это теория такая у буддистов. Будто после смерти человека его душа переселяется в нарождающуюся жизнь.

– Что за ересь?

– Тогда объясни, что ты имеешь в виду?

– Ну вот, смотри. Беззаботное детство и юность – это одна жизнь. Первое замужество и рождение детей – вторая. Смерть мужа и ребёнка, раскулачивание и нищета – это третья жизнь. Война и концлагерь – вот тебе четвёртая. Второе замужество, рождение ребёнка и потеря любимого человека – это пятая жизнь. Стало быть, теперь наступила шестая, последняя.

– Бабуленька, так ведь это просто этапы одной жизни.

– Для тебя может быть и этапы. А для меня целые жизни. Поживёшь с моё, внученька, тогда поймёшь.

Только теперь, прожив большую часть своей жизни, вспоминая бабушкины слова, я начинаю понимать, что она имела в виду. Кто-то проживёт длинную жизнь, но одну, а всю биографию его можно описать несколькими словами: родился, учился, работал, женился, вышел на пенсию. Другой может прожить короткую, но такую яркую жизнь, что память о себе оставит на века. А третьих жизнь поматает по таким крутым виражам, что из каждого он выходит другим человеком, с другим мировоззрением, вплоть до того, что вор может стать честным человеком и наоборот, трус явит человечеству чудеса невиданной храбрости, а храбрец – струсит, грешник вдруг станет праведником, а праведник совершит грехопадение. Такой человек меняется не только внешне в силу закона времени, но и внутренне, меняется его отношение к жизни и общечеловеческим ценностям, к окружающим людям и даже к самому себе. Недаром же существует выражение «он стал другим человеком».

И все эти метаморфозы происходят с ним в силу воздействия на него факторов внешней среды, порой непостижимым образом связанных с какой-то Высшей Силой, ведущей этого человека по дороге, называемой судьбой.

И ещё я поняла, чем больше превратностей судьбы испытывает человек, тем больше жизнью он проживает, тем становится мудрее.

Однако я немножко уклонилась от темы. Пора вернуться к любимой бабушке.

– Так ты, бабуля- философ, – сказала я.

– Это жизнь делает людей мудрыми. Никакие университеты хитrostям и мудrostям не обучают.

– Бабушка, а почему ты не вышла сразу замуж за Григория Ивановича, раз вы так любили друг друга?

– На то была воля Божья. Иначе бы не родилась твоя мама, и ты с Машенькой, – ответила она с улыбкой.

– Ты уклоняешься от ответа, ссылаясь на судьбу, а я спрашиваю про житейские обстоятельства.

– Какая же ты у меня любопытная! – усмехнулась она. – Ну так слушай. Появился в нашей округе молодой человек, сын богатого промышленника и обедневшей дворянки.

Я поняла, что речь сейчас пойдёт о моём дедушке и его родителях. Поэтому, затаив дыхание, приготовилась слушать. Но тут раздался крик Лёнечки. Бабушка взяла его на руки и стала качать, велев мне подогреть молоко и наполнить бутылочку с соской. Напоив его молоком, положили в коляску и отправились на прогулку, оставив для Лауры завтрак на столе.

– Это был мой дед Сергей? – с нетерпением спросила я, как только мы вышли на улицу.

– Да. Именно так, – произнесла она, погрузившись в воспоминания.

– А как он выглядел?

– Серёжа был высоким, стройным, хорошо образованным и обходительным молодым человеком. Твоя мама очень на него похожа. Такая же светловолосая и голубоглазая. Так вот, – продолжала бабушка, – твой дед Сергей в то время был одним из самых завидных женихов в нашей округе, несмотря на то, что после революции практически всё состояние его родственников было национализировано.

Всё же в нэпманские времена его отцу, принадлежащему к династии «спиртных королей», удалось наладить отдельно от братьев производство вино-водочных изделий и подняться, но вскоре он умер – сердце не выдержало. Кое-что тот всё же успел сделать. Семья жила в добротном двухэтажном каменном доме с колоннами и в то время не бедствовала.

Сергей остался с матерью и старой нянькой. У них на службе состоял садовник, кухарка и несколько человек прислуги. После смерти отца он продолжил его дело.

И вот однажды, нежданно-негаданно, Сергей Иванович, как все уважительно называли его, засылает сватов к моим родителям просить моей руки. Я тогда толком и не знала его вовсе. Только слышала о нём, да пару раз видела, и то издалека.

– И ты согласилась? – воскликнула я с некоторым изумлением, зная о бабушкиной первой любви.

Она на мгновение задумалась. Мы присели на скамейку. Я продолжала с усердием качать коляску, боясь, что ребёнок может проснуться и помешать рассказу, всё больше будоражащему моё воображение.

– Ну как тебе сказать, Танюша. Можешь себе представить, как были польщены этим предложением мои родители? Кроме того, не забывай, что в старообрядческой семье воля родителей – закон. Они сразу же привели в пример историю своей женитьбы. «Видишь, Нюра, какая крепкая и любящая семья у нас получилась? А выйди я замуж за Федю, и представить страшно, что бы со мною было сейчас», – говорила мама, ласково глядя на отца. А тот кивал головой, пряча улыбку в окладистой бороде: «По молодости, доченька, можно много глупостей надумать. Потом за всю жизнь не расхлебашь».

К слову сказать, твой дед был недурён собой, образован и, по тем временам, достаточно обеспечен. Погоревала я три дня, да и согласилась.

– А как же Григорий Иванович, твоя первая любовь?

– В нашей среде, Танюша, не принято было перечить родителям. Я тебе уже говорила. Да и не видела я Гришу с тех пор и до того самого дня, когда мы случайно с ним столкнулись, как нагадала цыганка. Видно, не судьба была.

Начал моросить дождь. Лёничка проснулся и закапризничал. Пора была возвращаться домой.

За вечерним чаем бабушка утолила моё любопытство, рассказав о своей хоть и не долгой, но счастливой жизни с моим дедушкой.

– Когда я первый раз вошла в дом мужа, едва не ахнула от удивления. Изнутри он мне казался настоящим дворцом. Мягкая мебель была обита дорогой тканью в тон портьер. Ужо в тканях я разбиралась не хуже какого-нибудь приказчика, помогая отцу сортировать товар в семейной лавке. По углам гостиной были расставлены напольные вазы с цветами, посередине большой дубовый стол со стульями, две горки с дорогой посудой, по стенам развешены картины. С потолка свисала хрустальная люстра.

Первым моим чувством был испуг. Хоть моя семья и жила в достатке, такой роскоши я никогда не видела. Хотелось бежать, куда глаза глядят. Мне казалось, что даже прислуга исподтишка смеётся надо мной.

Твой дед, к счастью, был очень чутким человеком. Он сразу всё понял и поспешил мне на помощь. Представив мне прислугу, он всех отпустил со словами: «Все могут быть свободны. А я пока покажу дом вашей новой хозяйке».

Кровь прилила к моим щекам. Ни одного имени от страха и смущения я, конечно, не запомнила. На ватных ногах последовала за своим мужем.

«Анечка, не надо стесняться. Это теперь и твой дом. И не забывай, что ты в нём хозяйка наравне с моей мамой. Кстати, ты ей очень понравилась», – сказал Серёжа.

Хотя его слова немного меня ободрили, я чувствовала себя неловко. Когда мы остались одни, поведала ему о своих страхах. Он смотрел на меня с такой нежной улыбкой и чувством умиления, что я невольно улыбнулась.

«Анечка, ничего не бойся. Я всегда буду рядом. Тебя здесь никто не обидит», – пытался он меня успокоить. Я была преисполнена к нему таким чувством благодарности, которое, наверное, потом и переросло в любовь.

Мы жили душа в душу. Серёжа ни разу не повысил на меня голос. А если я каким-то своим поступком или высказыванием вызывала его недовольство, он строго говорил: «Нюра, ты не должна так поступать».

Все домочадцы ко мне хорошо относились. И я платила им тем же. Мы подружилась и с Еленой Николаевной, и с Акулиной Васильевной, няней твоего деда.

Вскоре нэп стал сходить на нет. Наш дом был национализирован и превращён в типографию, а во время войны уничтожен немцами.

Когда нас выгоняли из собственного дома, я была беременна твоей мамой. Комиссары не разрешили нам взять ничего, даже пирогов вынуть из печи. Лишь Елена Николаевна сумела вынести старый саквояж, на который никто не обратил внимания, о судьбе содержимого которого ты уже знаешь.

Я чувствовала, что самое интересное бабушка приберегает напоследок. Но чаепитие затянулось за полночь. А ей нужно было отдохнуть. Поэтому, милостиво отпустив её спать, и сама направилась восвояси.

В субботу утром Лаура с семьёй отправилась на дачу к друзьям. А мы с бабушкой, проводив домочадцев и почувствовав некоторое облегчение от того, что никто не помешает ей предаться воспоминаниям, а мне – насладиться ими и вобрать в себя, продолжили беседу.

– Бабушка, где же вы жили после национализации вашего дома?

– Сначала у моих родителей. Серёжа пытался устроиться на работу. Но его нигде не принимали, учитывая не пролетарское происхождение. Когда открыли торгсины, он понемногу начал менять золотишко и серебро, припрятанные Еленой Николаевной, на продукты, пока кто-то его не сдал. Я ждала в это время второго ребёнка.

Папу тоже вскоре раскулачили. Пришлось ехать в какую-то глухую деревню к дальним родственникам. Будучи очень предприимчивым человеком, он начал выделывать кожи и продавать. В то время это был очень востребованный товар. Если бы не папа, мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

У меня родился мальчик, но вскоре умер, – с горечью произнесла бабушка. – Елена Николаевна, не выдержав испытаний, слегла. У неё обнаружили чахотку, и вскоре она умерла, успев открыть мне тайну своей жизни. Её похоронили на деревенском кладбище. Твой дедушка так и не узнал ни о смерти матери, ни о сыне.

Я с нетерпением ждала когда же бабушка откроет мне тайну Елены Николаевны. Казалось, она специально медлит, чтобы помучить меня ожиданием.

– Сейчас попьём чайку, а то в горле что-то пересохло, и продолжим, — после паузы, казавшейся мне вечностью, произнесла она.

А я про себя подумала с некоторой раздражительностью: «Ну сколько же можно пить чай? Уже два раза пили».

Бабушка нарочито медленно, уже в который раз, доставала чашки с блюдцами из буфета, неторопливыми движениями заваривала чай и разливала по чашкам, в то время когда я сгорала от любопытства.

Наконец-то чашки были наполнены ароматным чаем, и я вздохнула с облегчением.

Глава 14

Тайна моей прабабушки

– Что, не терпится узнать тайну прабабки? – спросила бабушка с улыбкой, прихлёбывая чай из блюдца, и, наконец, начала свой рассказ.

– Елена Николаевна была потомственной дворянкой из обедневшего рода Карпушинских, красавица необыкновенная. Помню, когда впервые её увидела, меня поразили глаза – зелёные и такой формы, как только у кошек бывают, длинные каштановые вьющиеся волосы, собранные в высокую причёску, и гордая осанка.

Она закончила Смольный институт благородных девиц, основанный ещё Екатериной Великой, и была очень образованной, с хорошими манерами. Поэтому я всегда тушевалась рядом с ней, хотя Елена Николаевна была настолько деликатным человеком, что всегда старалась держаться со мной, как с ровней.

Даже в трудные годы, когда мы жили впроголодь, она никогда не выходила к столу, не причесав тщательно волосы или неопрятно одевшись. У неё было всего два платья, стиранных-перестиранных, штопанных-перештопанных, но если бы ты видела, Танюша, с каким достоинством она их носила... Настоящая аристократка! Только когда захворала и слегла, я впервые увидела её с растрепанными волосами, разметанными по подушке. Но тогда она не только расчесаться, но и встать с постели не могла, бедняжка.

Однажды твоя прабабушка позвала меня и попросила присесть у кровати: «Анечка, перед смертью я хотела бы кое-что рассказать тебе. Боюсь, не успею исповедаться», – произнесла она слабым голосом.

Священники в то время преследовались, церкви закрывались. Да и жили мы в такой глуши, что батюшку сыскать было невозможно. Я присела, и она начала свой рассказ.

Когда ей было восемнадцать, к ней посватался богатый промышленник, лет на тридцать старше её, вдовец. Согласия невесты никто не спрашивал. Её род хоть и был когда-то знатным, но давно разорился. Родители с радостью выдали дочку замуж за богатого человека.

Иван Петрович, муж Елены Николаевны, стало быть, твой прадед, оказался человеком добрым, порядочным и щедрым. В честь рождения сыночка Серёженьки он подарил жене очень дорогой гарнитур с драгоценными камнями, состоящий из кольца, которое, как тебе известно, спасло нам с твоей мамой жизнь, и пары серёг.

Гарнитур был изготовлен по индивидуальному заказу. Дублет, то бишь копия одной из серёжек, как раз и находится у тебя.

– Постой, бабушка. Колье было в виде головы Клеопатры, увенчанной короной в виде змей? – спросила я.

– Да, – удивлённо подтвердила она. – А откуда ты знаешь?

– Видела во сне.

– Точно, неспроста Елена тебе явилась...

Моё любопытство нарастало. За вопросом, почему у меня оказалась копия и где настоящая серьга, явно скрывалась какая-то тайна, будоражившая моё воображение.

Уловив в моих глазах нетерпение и необоримое любопытство, не дожидаясь следующего вопроса, бабушка продолжила:

– Эти серьги отличались друг от друга. К одной с обратной стороны было прикреплено маленькое колечко, и её можно было носить как кулон, а к другой – застёжка, чтобы можно было использовать как брошь. По словам Елены Николаевны, Иван Петрович сам одел ей кольцо на шею, а серёжки отдал в коробочке с приоткрытой крышечкой со словами: «Леночка, в той, что с колечком, вместо одного из сапфиров вставлен чёрный бриллиант. Это не про-

стой камень. От него зависит благополучие и могущество нашего рода. Береги его». Так что неспроста она намекнула тебе о нём в твоём сне.

Я слушала с замиранием сердца об этом камне. Мне было известно, что чёрный алмаз – самый прочный и дорогой минерал. И, хотя он находится на поверхности земли, в отличие от прозрачных алмазов, в природе встречается гораздо реже. Из-за своей прочности он трудно поддается обработке даже с помощью современных технологий. Кроме того, ему издревле приписывались магические свойства. Даже некоторые учёные считают, что этот камень космического происхождения.

Пока я мысленно рассуждала на эту тему, бабушка продолжала:

– Всё бы может и шло своим чередом, если бы не случай. Встретила однажды твоя прабабка на одном из балов молодого красавца гусара, да и влюбилась в него без памяти.

– Бабушка, – вскрикнула я. – Так ведь я его тоже видела, почти как тебя сейчас. В том же сне, хотя я бы назвала его скорее видением.

– Вот ведь насколько мудрость и сила Господня велика! – произнесла она, перекрестившись. – На всё воля Божья! На испытания, видать, послал ей Господь этого паршивца. Сбил он нашу Елену Прекрасную с панталыку. Звали его Николай Александрович на русский манер. На самом деле не наших кровей был. То ли из немчуры, то ли из других басурман, я уже не помню. Ещё со времён Петра таких много в Россию понаехало на государеву службу. Французов много осталось после того как их Наполеона под зад коленом прогнали из России-матушки.

– Бабушка! – сказала я укоризненно, давая понять, что она отклонилась от темы.

– На чём это я остановилась?

– На гусаре.

– А! Ну да. Со слов прабабки твоей, был он не только хорош собой, но смел и отважен. Из «чёрных» гусар, кажись. Полк такой знаменитый был.

– Я знаю, бабуля. Что дальше было?

– Что дальше? Елена наша тоже ему глянулась, и стали они встречаться тайком. Вот что дальше было. Чуть было не бросила мужа из-за этого прохиндея. А гусар этот brave оказался заядлым картёжником. Проигрался в пух и прах. В то время неуплата карточного долга считалось большим позором и бесчестьем. Выход был один – застрелиться.

Прабабушка твоя узнала об этом случайно от его брата, который был вхож в дом, и имел с Иваном Петровичем общий интерес по части коммерции.

Ну так вот. Она, голубушка, промаялась всю ночь пока не приняла решение заложить одну из серёжек в ломбард, чтобы оплатить карточный долг этого пройдохи.

Знамо дело. Как задумала, так и сделала. С огорчения забыла, что в одну из серёжек был вставлен чёрный бриллиант, и про мужнины слова забыла о чудодейственности камня этого и важности для рода. Как раз эту самую серьгу её и угораздило в ломбард сдать.

На часть из вырученных денег заказала копию, а остальной частью попросила брата этого гусара оплатить его карточный долг, да таким образом, чтобы тот никогда не узнал имя своего благодетеля, а точнее благодетельницы.

Елена Николаевна знала, что Андрей Александрович – человек благородный и ему можно доверить столь деликатное дело.

Тот попенял ей, дескать это – бессмысленная затея, он неоднократно выручал своего непутёвого брата, да всё без толку. Но Елена Николаевна была непреклонна. К тому же она находилась на пятом месяце беременности от этого негодника.

Бабушка не жалела эпитетов в отношении бедного гусара. А в моём сознании вновь и вновь всплывал образ прабабушки со своим возлюбленным на балу и оживали ощущения невообразимого счастья от кружения в танце под музыку Штрауса.

– Танечка, ты меня не слушаешь или тебе неинтересно?

– Ну что ты, бабуля? Я просто вспомнила свой сон. Интересно – это не то слово. Мне всегда казалось, что такая любовь может быть только в кино.

Бабушка лукаво улыбнулась, прекрасно понимая, что её рассказ никого не может оставить равнодушным, и продолжила:

– Через некоторое время Елена Николаевна узнала от Андрея Александровича, что её гусар, расплатившись с карточным долгом, опять принялся за старое, и опять проигрался в пух и прах. Не зная, что делать, она надумала обратиться к своей бабушке, которая в ней души ни чаяла и готова была на всё ради счастья единственной внучки. Бабушка, Мария Андреевна, посещала тайный кружок, что и твоя прабабка впоследствии. Спитиров этих.

– Спитиров, – поправила я её.

– Точно. Их самых. Она якшалась и со знаменитой в то время колдуньей. Имя её я запомнила. Так вот, Мария Андреевна решила обратиться к ней за помощью. Та, раскинув карты, сказала, что сможет помочь гусару отыграться, но её внучка обязательно должна вернуть серьгу с чёрным бриллиантом. Иначе, все мальчики, родившиеся в её роду, будут умирать, а сам род может исчезнуть. Как она ему помогла, не знаю, но то, что он отыгрался, знаю точно.

Я вспомнила «Пиковую даму» Пушкина, и подумала: «Может быть, внушила какими картами играть?»

Между тем бабушка продолжала:

– Дело было в аккурат перед Первой мировой. И по словам твоей прабабки, гусар её погиб на войне. У неё от всех переживаний начались преждевременные роды. И она родила недоношенного мальчика, который через несколько дней умер. А у самой Елены Николаевны началась послеродовая горячка. Никто не думал, что она выживет. Господь смилостивился. Тут уж было не до серёжки.

Когда, чудом оправившись от болезни, она вспомнила о словах колдуньи, выкупать серьгу уже было поздно – срок прошёл. Да и денег не было, а у мужа просить она не решалась. Так начали сбываться предсказания колдуньи. Всю жизнь корила себя, голубушка, за смерть и мужа, и сына и внука, да и за гусара своего злосчастливого.

Видать, и вправду этот чёрный бриллиант силой волшебной обладал. Вот и весь мой сказ. А как я думаю, нужно было ей в церковь идти грехи замаливать, а не души покойников тревожить. Она хоть и верующей была, а такой грех на душу взяла. Поэтому до сих пор и не может успокоиться.

– А почему ты не взяла серёжку с собой как память о муже и Елене Николаевне?

А ты думаешь, покойница только к тебе во сне приходит?

Я с недоумением посмотрела на бабушку:

– И к тебе приходила?

– А то как же? За три дня перед моим отъездом сюда и явилась.

– Испугалась?

– Да нет. Живых надо, Танечка, бояться. А что может бесплотная душа сделать? Разве что предупредить о чём-то.

– Тоже в шляпке с вуалью была?

– Нет. В стареньком своём платице, в котором умирала, но с аккуратно причёсанными волосами и двумя серёжками в ушах. Мне кажется, что она улыбнулась, но глаза были очень грустными. Это я хорошо запомнила. Она-то и дала мне знать, как серёжкой распорядиться.

– Прямо так и сказала, чтобы ты оставила её для меня?

Бабушка отрицательно покачала головой.

– Она только дотронулась рукой до одной из серёг, и в тот же момент её лицо начало как бы расплываться и заменяться твоими чертами. Я сразу же поняла, о чём она хотела сказать.

У меня мурашки забегали по телу.

– Да ты не бойся, – заметив испуг в моих глазах, постаралась успокоить меня бабушка. – Покойница не причинит тебе вреда. Она просто мне подсказку дала.

Начало смеркаться, когда бабушка закончила своё повествование. К вечеру Лаура со своим семейством вернулась домой.

Собираясь в обратный путь, я всё время пыталась проникнуться чувствами, которые мог испытывать заядлый игрок, поставивший на кон последнее, что имел, рискуя не только разориться, но и подчас поплатиться своей жизнью. Говорят, Достоевский написал свой роман «Игрок» за 25 дней в обмен на карточный долг.

В голове бродят мысли шальные.
Овладел мною старый порок.
На игру ставлю ставки двойные.
Я всё тот же заядлый игрок.

Под накалом безумных страстей
Я в огне этой страсти сгораю.
Что мне выпадет из мастей
Я пока что ещё не знаю.

Игра уж за полночь зашла.
Ренонс, грильяж, марьяж.
А у меня лишь мысль одна:
«О, Боже! дай мне шанс!»

Я дрожу. Я безмерно страдаю.
Мне бы только везенья чуток.
Этой ночью я долг отыграю
Или пулю пуцу в свой висок.

Бабушка встала спозаранку, напекла пирогов, и, сунув мне огромный пакет, велела угостить маму с папой. Поскольку следующий день был выходным, меня провожали на вокзал всем семейством.

Когда из окна вагона я посмотрела на бабушку, моё сердце сжалось. У меня было предчувствие, что вижу её в последний раз.

Глава 15

«Скорая помощь». Новые друзья

Всю обратную дорогу я пыталась переварить информацию, полученную от бабушки. Но пора была подумать и о трудоустройстве.

По приезде в Ригу долго заморачиваться не стала, поняв, что стационар мне в ближайшее время не светит. Поэтому решила воспользоваться советом Императрицы.

Как я ни старалась оттянуть этот неприятный момент, время неумолимо шло вперёд. И в один «прекрасный» день пришлось всё-таки заставить себя направиться на собеседование к главврачу «скорой помощи», Семёну Яковлевичу Штурму.

Меня встретил лысеющий мужчина средних лет с колким взглядом и хитроватым выражением лица. Пока он изучал мои документы, я думала, не вернуться ли мне обратно к Галине Семёновне.

Наконец, он оторвал свой взгляд от документов и перевёл его на меня.

– Татьяна Павловна, скажите честно, почему вы хотите работать на «скорой помощи»?

– Потому что в стационар не приняли, – удивлённая таким вопросом, честно ответила я.

– А мне хотелось бы, чтобы мои сотрудники работали по велению сердца.

«Кто на „скорой“ будет работать по велению сердца? И к чему такие высокопарные слова?» – подумала я, усмехнувшись про себя, но не озвучив свои мысли.

– Вы, конечно же, думаете, что, работая на «скорой помощи», нельзя стать выдающимся специалистом, – будто уловив мои мысли, продолжил он. – Однако, это – глубокое заблуждение. «Скорая помощь» – это одно из самых важных, если не самое важное звено в медицине. Во многом от правильного оказания именно первой медицинской помощи зависит судьба пациента. Врач линейной бригады должен быть многопрофильным специалистом и хорошим диагностом.

– Но я хочу быть хирургом.

– Ох уж эта молодёжь со своими амбициями и максимализмом. Успеете вы ещё стать хирургом. У вас вся жизнь впереди, – с раздражением произнёс он. – Поверьте мне, знания, полученные здесь, пригодятся вам в любом случае. К тому же, врачи «скорой помощи» выходят раньше на пенсию. Вам, наверняка, мои слова сейчас покажутся смешными, потому что вы ещё слишком молоды, чтобы понять быстротечность человеческой жизни. Но когда-нибудь, поверьте мне, вы вспомните их.

Я подумала, что он издевается надо мной. И только теперь, по прошествии многих лет, поняла насколько мудрым человеком был Семён Яковлевич.

– Поработаете сначала на линейной бригаде, а потом и на хирургическую переведём, – продолжал он. – ЭКГ делать умеете?

Я пожалала плечами. Во время работы в зональной больнице мне не приходилось этим заниматься, поэтому я ответила:

– Делала только во время учёбы в институте.

– Вот видите, Татьяна Павловна. А врач «скорой помощи» должен уметь это делать. И купировать любые виды аритмии, и отличать кардиальный отёк лёгких от пульмонального, а диабетическую кому от гипогликемической, и купировать приступ эпилепсии и провести, в случае необходимости, реанимационные мероприятия, и диагностировать инфекционные заболевания. Дальше перечислять не буду. Вы всё это можете делать?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда придётся послать вас на двухмесячные курсы подготовки врачей «скорой помощи». Не возражаете?

– Нет. Спасибо, – сказала я, а про себя подумала, что действительно многого не знаю и не умею.

– Ну вот и ладненько. Догуляете свой отпуск, и с понедельника – на курсы.

Он встал из-за стола и подал мне руку:

– Желаю удачи! Направление возьмёте у секретаря.

Поблагодарив главврача ещё раз, я вышла в смятении, задумавшись над его словами.

Когда, после окончания курсов, вышла на работу, график дежурств уже был составлен – сутки через двое, то есть полторы ставки.

Семён Яковлевич, несомненно, был прав. Работа на «скорой» – это бесценный опыт для врача любой специализации. Что только не приходилось видеть и делать.

На линейных бригадах обычно, кроме врача, дежурил фельдшер. Однако, часто приходилось выезжать на вызов только с водителем. Хорошо, если им оказывался сознательный человек. Он и тяжёлую медицинскую сумку донесёт, и электрокардиограф, и за кислородной подушкой сбегает, и в транспортировке больного примет участие. Но были и такие, которые со своего места не сдвинутся ни при каких обстоятельствах. На любые просьбы у них был один ответ: «Мне за это не платят». Но, к счастью, таких было немного и надолго они не задерживались. А вообще, водители «скорой помощи» – народ особый. Работа тяжёлая, небезопасная, мало оплачиваемая, связана с бессонными ночами. Не каждый захочет по ночам при свете тусклых фонарей, а то и без всякого освещения, ездить по незнакомым закоулкам, разыскивая адрес пациента, тем более безработицы в нашей стране в то время не наблюдалось. Хорошо, если родственники выйдут встречать. Не успеет иной раз водитель адрес найти, а по рации уже передают следующий вызов, в другой конец города.

Бригады складывались сами собой, с учётом личных предпочтений. Люди прибывались друг к другу по мере знакомства. Текучка кадров была довольно большая. Не успеешь приглядеться к человеку, а он уже уволился.

Поначалу приходилось работать с разными людьми. Они менялись как мозаика в калейдоскопе. Но через пару месяцев начала формироваться и моя бригада. Водитель Санёк – высокий темноволосый парень с тонкими чертами лица и волевым подбородком, один из тех романтиков, которых хлебом не корми, дай с сиреной промчаться по городу, и фельдшер Оленька – милостивая девушка с огромными карими глазами, застенчивой улыбкой и толстой тёмно-русой косой до пояса. Она была очень миниатюрным и хрупким созданием.

Мы все работали на полторы ставки, поэтому составить график дежурств не составляла труда. Среди медиков была распространена поговорка: «На ставку жить не на что, а на полторы – жить некогда».

Так и нам, с одной стороны, жить было некогда, а с другой – это и была сама жизнь. С учётом того, что после дежурства, как минимум, полдня уходило на восстановление сил, оставалось не так уж много свободного времени. Но мы были молоды, полны надежд и горды своим высоким предназначением.

Утро начиналось с приёма медицинских сумок. Это были довольно увесистые ящики из фанеры с широкой ручкой на крышке и красным крестом. В них хранились медикаменты, в том числе наркотики, медицинский спирт, стеклянные шприцы с иглами в металлических коробочках-стерилизаторах, аппарат для измерения давления, фонендоскоп, простые и гипсовые бинты и другие принадлежности для оказания первой медицинской помощи. Такая сумка весила несколько килограммов.

Когда впервые я увидела Оленьку, перегнувшуюся почти дугой под её тяжестью, у меня сердце сжалось от жалости. После того, как сформировалась наша бригада, проблема отпала сама собой. Нашим неизменным сумконосцем стал Санёк. Он поджидал Оленьку уже у пункта приёма, брал сумку словно пушинку и, весело насвистывая, нёс в машину. Казалось, в эти минуты он чувствует себя не водителем-сумконосцем, а рыцарем-оруженосцем. По своей натуре он и был настоящим рыцарем. На работу я шла с большим удовольствием. Санёк всё время развлекал нас – постоянно шутил, декламировал стихи, распевал песни приятным баритоном.

Дежурной бригаде полагался час на обед. По выходным, заехав в близлежащее кафе, пельменную или столовую, мы закидывали быстро еду в себя и, выкроив 20—30 минут, с воем сирены мчались в Пардаугаву, где нас поджидала бабушка Санька, Вера Ивановна, с вкуснейшими пирожками. Если успевали, пили ароматный чай из сушёных трав, собранных и высушенных ею собственноручно.

Вера Ивановна была высокой, стройной, с безупречной осанкой и манерами, в неизменном сером приталенном платье с белым воротничком или чёрном шерстяном сарафане с однотонной блузкой с приколотой у стоячего воротничка брошью или бусами в тон блузке. Тёмно-русые волосы с седой прядью были разделены прямым пробором и скручены на затылке в виде тугого жгута.

Когда впервые Санёк объявил, что везёт нас к бабушке на пирожки, я представила себе седовласую сгорбленную старушку в круглых очках с накинутым на плечи пуховым платком. Увидев моложавую женщину, в облике и одежде которой сквозило благородство и достоинство, я сразу вспомнила свою прабабушку в последние годы жизни и подумала: «Наверное, из аристократок». Вера Ивановна преподавала русский язык и литературу в школе. Наконец-то я поняла, откуда Санёк знает столько стихов и откуда у него столь уважительное отношение к женщинам.

Квартира была малогабаритной, но очень уютной. Посредине гостиной стоял большой круглый стол, накрытый льняной скатертью, с шестью стульями вокруг, покрытыми полотняными чехлами с красивыми шёлковыми бантами, завязанными сзади; на окнах – кремовый тюль и льняные занавески в тон скатерти, подхваченные такими же бантами, как на стульях; на подоконнике – несколько горшков с различными видами герани. Был и небольшой балкончик с множеством глиняных горшков, в которых Вера Ивановна умудрялась выращивать не только цветы и травы, но и маленькие помидорчики.

Но самой большой достопримечательностью мне казались огромные стеллажи, заполненные книгами до самого потолка и стоявшие не только в гостиной, но даже в крошечной прихожей и на кухне.

В то время хорошую книгу купить было не так просто. Нужно было сначала сдать макулатуру (не помню, сколько килограммов), получить талон, и только потом появлялась возможность приобрести вожделенный товар. Что только не приносили на пункты сдачи макулатуры: и старые газеты и журналы, и использованные канцелярские бланки, и старые гроссбухи с бухгалтерскими отчётами, и картонные коробки, и обёрточную бумагу, а порой даже старинные книги в обтрёпанных переплётах, которые стоили несравненно дороже тех, которые приобретались по талонам.

Я обратила внимание на то, что несколько полок были заполнены технической литературой. Оказалось, что наш скромняга Саня заочно учился в Политехническом институте. Вера Ивановна воспитывала его одна с малых лет, поскольку Сашины родители погибли в автокатастрофе.

Пока я изучала обстановку, оказавшись впервые дома у нашего рыцаря, его бабушка, хотя так называть Веру Ивановну не поворачивается язык, накрывала на стол. Пузатый заварной

чайничек едва выглядывал из-под широкой юбки, отороченной кружевами, войлочной розовощёкой купчихи. Рядом стояло большое керамическое блюдо, наполненное только что испечёнными пирожками с различной начинкой, более мелкие керамические вазочки с печеньем и конфетами и четыре чайные чашки из тонкого фарфора с блюдцами.

– Ну что, мои дорогие, прошу к столу! – произнесла Вера Ивановна, сделав элегантный жест рукой.

Сняв войлочную купчиху с чайника, она начала разливать ароматный чай по чашкам. Звук разливаемого чая, отражённый от тонких фарфоровых стенок чашек, почему-то тогда вызвал у меня ассоциацию с гейзером, а цвет – с тёмным полупрозрачным янтарём, а по прошествии многих лет – неизменно ассоциируется с образом Веры Ивановны.

Особенно приятно было приезжать в гости в этот уютный, гостеприимный дом зимой, с мороза. Здесь мы отогревались не только телом, но и душой.

Вера Ивановна была удивительным собеседником, умеющим слушать, что не очень характерно для людей её профессии, мудрым, эрудированным и интеллигентным человеком.

К сожалению, из-за отсутствия времени, наши встречи были очень короткими. От неё мы неизменно уезжали с большим кулком пирожков или домашнего печенья и большим термосом с кофе. Всех этих вкусностей нам хватало до конца смены.

Если дежурство выпадало на праздник, она готовила для нас праздничный обед. Мы с Оленькой чувствовали себя нахлебниками. Первое время нам удавалось под различными предложениями отказываться от этих поездок в гости к Вере Ивановне, хотя и очень хотелось. Но наша обман был вскоре разоблачён. Тогда мы решили привозить с собой что-нибудь сладкое к чаю. Помню, она даже обиделась на нас. И только когда мы поставили ультиматум, согласилась на наше соучастие. Но при этом старалась схитрить и положить наши подношения в пакет с пирожками.

Однажды Ольга простудилась и слегла на месяц. Другого фельдшера нам не дали. Дежурить пришлось вдвоём с Саней.

В два часа ночи поступил вызов. Ехать нужно было куда-то за город. Освещения никакого. Никто не встречает. Только где-то вдалеке огонёк горит. Подъехать ближе нельзя – ограждение. Пролезли мы с ним через него, идём на огонёк.

Вдруг перед нашими глазами вырастают рога, сначала одни, потом другие... Я чуть в обморок со страху не упала. Оказалось, нарвались на стадо коров. Одно хорошо, на их мычание вышел старичок на крыльцо дома, до которого от машины пришлось идти метров двести. Он проводил нас в избу.

На кровати лежал довольно тучный мужчина лет пятидесяти. Под вечер, будучи «под шофэ», тот полез в погреб, поскользнулся на ступеньке и упал. Его правая голень была деформирована, бинт пропитан кровью. Было ясно, что у пострадавшего открытый перелом.

Санёк отправился за носилками и шиной. Хорошо, что обратно не пришлось топтать через коровье стадо. Оказалось, подъехать ближе можно было с другой стороны дома.

Вколов травмированному наркотик, разрешила бинт и увидела осколок большеберцовой кости, выпирающий через рваную рану. «К счастью, крупные сосуды не повреждены». - подумала я, накладывая стерильную повязку и иммобилизируя повреждённую конечность. Переложив пациента на носилки, мы вдвоём со старичком, который оказался отцом пострадавшего, взяли их с одной стороны, Санёк – с другой, и потащили в машину.

Через пару недель, тоже ночью, поступил вызов на Москачку. Попали в какой-то цыганский притон. Человек пятнадцать собралось у постели «больного». Не нужно быть медиком, чтобы констатировать трупное окоченение и понять, что больной скорее мёртв, чем жив, при-

чём умер не только что, о чём деликатно попыталась сообщить обступившим меня со всех сторон людям.

Один из них, по-видимому, находившийся под действием наркотиков, подошёл ко мне, и, угрожая ножом, крикнул: «А ну, давай, оживляй, не то зарежу!»

Хорошо, Санёк рядом оказался. Он отреагировал молниеносно:

– Сестра, срочно вызывай реанимационную бригаду! – и, схватив меня за руку, потащил к входной двери.

Пока цыгане очухались, наш след уже простыл.

– Ну, Санёк, ты мне сегодня жизнь спас, – промолвила я, приходя в себя. – Теперь я – твоя должница.

– Пустяки! У нас и не такое бывало, – ответил тот со свойственной ему скромностью.

Позвонив в милицию и сообщив о притоне и трупе, который, по всей вероятности, стал жертвой передозировки наркотиками, пошли отдыхать.

В комнате отдыха одновременно могли находиться до шестнадцати человек. Для этого по обеим сторонам от входной двери были расставлены раскладные кресла. Несмотря на наличие свободного места, заснуть никак не удавалось. В глазах стоял окоченевший труп в окружении безумных людей и нож, занесённый надо мной.

Обычно во время ночного дежурства, прибыв на станцию, мы валились в кресла и мгновенно засыпали с одной мыслью: «Хоть бы до утра не вызвали». На этот раз, плюхнув в кресло, я думала: «Хоть бы побыстрее вызвали. Может быть, удастся сменить всё время всплывающую перед глазами картинку. Прости, Санёк! Я знаю, что ты не меньше перенервничал. Просто не подал вида, как настоящий мужчина».

Через минут сорок раздался голос диспетчера:

– Десятая бригада -на вызов!

Вскочив с кресла, я побежала в диспетчерскую.

– Можете не повторять. Я сама разбужу водителя. А на что вызов?

– Высокая температура, – ответила диспетчер.

Я вздохнула с облегчением, и с мыслью: «пока буду заваривать кофе, пусть Санёк поспит лишних пять-десять минут», вошла в крохотную кухоньку, примыкающую к комнате отдыха, где он уже хлопотал у плиты с туркой в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.